

Л. Сухаревская

при участии Н. Коварского

Сценарий

Лидия

Чирикание птиц. Весеннее небо. Кругом только небо и чирикание.

Стая птиц рассаживается на карнизе...

Московский дворик. Двухэтажный дом с палисадником. Крайнее окно второго этажа раскрыто. Стоя на подоконнике, молодая полная женщина моет окна, сдирая со стекол бумажные полоски. Время от времени она поглядывает вниз.

Г о л о с с н и з у. И вдруг... дверь открывается... и Ваня входит... А я гляжу на него и как онемела... будто камень каменный...

Ж е н щ и н а н а п о д о к о н н и к е. Это с радости у тебя...

Внизу, под окном, стоит худенькая женщина со сбитым набок платком, с авоськой в руке. Плача и смеясь от счастья, она продолжает:

— А у меня в руках кастрюлька с манной кашей... верите ли, тетя Маша, из рук и на пол!

В поисках роли, которая помогла бы ей создать на экране образ современницы, советской женщины, известная артистка театра и кино Лидия Павловна Сухаревская написала свой первый сценарий.

Редакция просит читателей прислать отзывы об этой работе.

Женщина на подоконнике. Ну да... ну да...

Женщина снизу. На войну-то пошел, парнем глядел, а воротился...—
(Она всхлинула.) С висков седой стал...

Женщина на подоконнике. Эко делов, седой. Скажи — живой, вот что! Наш-то уж неделя как воротился. Птицы, гляди, и те радуются, что войне конец!

Женщина подняла свое худенькое личико и, может быть, впервые за эти годы увидела и птиц, и небо, и бегущие облака. Внезапно она взмахнула авоськой.

— Ой! Побегу!—В воротах обернулась.—А у Крюхтиных — Василий воротился!

Она выбежала за ворота и влилась в поток идущих по тротуару людей. Идут люди, кто торопясь, быстро, кто медленно.

И, как будто внося в это движение свой неповторимый ритм, идут три пары солдатских кирзовых сапог. Они уже в переулке... Следуя за ними, мы входим в тихую арбатскую улочку.

Идут трое. Двое мужчин и одна женщина. Старенькие шинели. Несложный солдатский багаж. Остановились у невзрачного подъезда. Высокий открыл дверь.

— Сюда! — сказал он.

Комната. Это, вероятно, столовая... Еще комната... Очевидно, тут люди спали... Сейчас квартира пуста... Здесь обитают тишина и сумерки.

С фотографии на стене смотрит женщина. Она очень красива. Что-то вызывающее есть в ее усмешке. Пыль на полированной крышке приемника... на стульях... на столе... Вот лежит белый четырехугольник письма. «Милый Федя...»

Где же люди?

Кухня. И здесь тишина. И кран водопровода молчит.

Передняя. Вешалка пуста. Только пыльная мужская шляпа зацепилась за гвоздь. Поворачивается ключ в замке. В темноте открылась дверь... Вошли люди... Голоса... Что-то упало... Засмеялась женщина... В комнате внезапно вспыхнул свет. И мы видим троих в кирзовых сапогах и стареньких шинелях. Женщина, продолжая смеяться, потирает ушибленный лоб. Первым заговорил высокий человек — Власов.

В л а с о в. Вот, это мой дом! (Взял со стола записку.)

Другой — Шорин — пробормотал:

— Ты не стесняйся, читай! Мы с Антониной вещами займемся...

Шорин и Антонина Ивановна вышли.

Власов прошелся по комнате. Поглядел на портрет женщины. Снял с гвоздика и положил на полку под книги. Когда вернулись в комнату те двое, сказал:

— Я вам еще там как-то говорил, что от меня ушла жена... Вот... «Милый Федя...»

А н т о н и н а И в а н о в н а. Не стоит!

В л а с о в. Почему же, вы мои товарищи. «Милый Федя...— Потом зачеркнуто.— Писем от тебя не было, и я подумала, что ты, наверное, меня забыл... — Опять зачеркнуто— Я встретила одного человека... — Еще раз зачеркнуто... — Я уйду. Не сердись! Прости! Валя».

Все помолчали.

В л а с о в. Вот так.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Где у тебя умыться?

В л а с о в. Посмотрю, может, газ включен.

Он вышел. Шорин и Антонина Ивановна молчат.

Льется горячая вода, испуская пар... Струя живая и веселая... Ох, и хорошо же!

Комната. Власов стоит, оглядывая ее.

В л а с о в. Куда мне одному все это? Алешка, оставайся в Москве! Что тебе, свет клином сошелся на твоём Урале?

Ш о р и н. Не променяю.

Власов походил по комнате.

В л а с о в. Ну, тогда Антонине отдам. Пусть живет! Эта комната мне, а та — ей. Ей надо же где-нибудь жить. А получит площадь — уедет.

Ш о р и н. Получить-то получит... А если так сложится, что жена вернется?

В л а с о в. Нет, не думаю... Нет.

Ш о р и н. Антонина горя многохватила. Ты же не знаешь ничего... Она ведь молчком живет. В сорок первом проводила она отпуск в Белоруссии, у родни. Ну, как началось... Муж на фронт, а через три дня его убили. Отца с парнишкой отправила в тыл, а от поезда гладкое место осталось. Вот в отряд к нам она и...

Он внезапно остановился, встретившись со взглядом Власова.

В л а с о в. Друг дорогой! Все это я знаю. А вот слушал сейчас тебя, и пришла мне в голову мысль...

Ш о р и н. Что ж... Правильно пришла... Так ты смотри... Сделай все, чтоб ее жизнь обогрелась...

Вошла Антонина Ивановна. Голова повязана полотенцем.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Федор, иди, я газ не закрыла.

Власов вышел. Она поглядела на задумавшегося Шорина.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Ты что?.. Дурной какой-то? Загрустил?

Ш о р и н. Загрустил. С воинской жизнью прощаюсь... Она, знаешь ли, понятнее.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Сел на чемодан и философствует. Давай ужин собирай.

А в это время она уже вытирает пыль, быстро и ловко, точно радуясь возвращению к простому, домашнему занятию.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Люблю убираться. И еще гладить белье люблю. Давно не гладила.

Ш о р и н. А ты на Урал бы поехала?

А н т о н и н а И в а н о в н а. Сейчас — нет.

Ш о р и н. Почему?

А н т о н и н а И в а н о в н а. Попытаюсь снова заняться своей диссертацией. Она продолжает работать.

Ш о р и н. А потом?

А н т о н и н а И в а н о в н а. А потом видно будет. Иди консервы открой.

Шорин поднялся с чемодана. Постоял, поглядел, как она стелет на стол где-то найденную дырявую скатерть...

А н т о н и н а И в а н о в н а. Иди, иди...

Разостлав скатерть, она подходит к телефону и, напряженно вспоминая номер, набирает его...

Антонина Ивановна. Квартира профессора Андреева? Здравствуйте, Александр Кириллович! Это говорит Тимофеева. *(Она улыбнулась.)* Я жива... и вернулась... только одна... Мужа моего нет... И его тоже нет...

Кухня. Шорин режет хлеб, открывает консервы... А за окном раскинулась панорама вечерней Москвы. Замечательно! И он громко запел.

Из двери ванной комнаты вышел Власов. Он подозрительно поглядел на откупоренную бутылку, стоящую на кухонном столе.

В л а с о в. Ты что, приложился уже?

Ш о р и н. Чудак, ты же знаешь, я непьющий. Душа у меня песни просит, а петь мне не дано. Нет, не дано мне петь

Комната.

Антонина Ивановна *(в трубку)*. Я приду! Я, конечно, приду! Завтра же! Она осторожно повесила трубку. Вошел Власов.

В л а с о в. Кого отыскала?

Антонина Ивановна. Из нашего института — профессор... Когда-то давно я была его ученицей. Он сказал, что возьмет меня опять на кафедру... Ох господи! Как давно все это было! Да и было ли когда-нибудь? Я ведь кончила институт в тридцать шестом году, три года по распределению работала на руднике, потом сын родился, потом писала диссертацию. *(Коротко вздохнула и задумалась на секунду, точно проверяя себя и сомневаясь в чем-то.)* А теперь все сначала надо начинать.

В л а с о в. Надо.

Они раскладывают ножи, вилки, расставляют тарелки.

В л а с о в. Переезжай ко мне.

Антонина Ивановна. Как — к тебе?

В л а с о в. Я тебе отдам ту комнату.

Антонина Ивановна. Зачем же? Я получу свою. А пока... Общежитие в институте есть.

Резко прозвучал телефонный звонок.

В л а с о в. Слушаю... слушаю... Кто-то повесил трубку. Зачем тебе общежитие, если свободна целая комната? Договорились?

Антонина Ивановна *(продолжая заниматься столом)*. А тебя друзья спросят, в качестве кого же это поселилась у тебя посторонняя женщина?

В л а с о в. Про тебя спросят? Ты же не посторонняя женщина, а мой товарищ... Да нет! Никому в голову не придет спрашивать.

Антонина Ивановна *(усмехнулась)*. Да-а-а...

В л а с о в. Что?!

Антонина Ивановна. Обидно... Ну вот, что и в голову уже никому не придет... *(Трудно понять, шутит она или говорит серьезно.)*

Снова зазвонил телефон.

В л а с о в. Слушаю! Что за черт! Опять кто-то трубку повесил.

Власов, Шорин и Антонина Ивановна стоят у стола. Налиты рюмки.

В л а с о в. За тех, кто не вернулся. За нашу общую с ними славу, выпьем, солдаты!

Вступила музыка... Разрослась... А они, выпив свои рюмки, стоят... Власов тихо запел. Остальные подхватили.

Версты, версты
Бесконечной отчизны родной...
Версты, версты,
Я вас все просчитал по одной...

На песне, точно сквозь прикрытые веки, помчались вихрем воспоминания. Как будто прошлое вошло в эту комнату. И вдруг через песню, через туман мчащихся образов войны, в рамке двери проступил облик очень молодой и красивой женщины. Все словно «вернулись» из песни, с трудом воспринимая это «видение».

Женщина. Дверь была не заперта.

Шорин. Вот, живем нараспашку!

Женщина. Я шла мимо и увидела в окнах свет... Простите.

Власов. Нет, ничего. Знакомьтесь. Тимофеева Антонина Ивановна... А это...

Шорин. Шорин.

Женщина (*подала руку*). Князева. Можно просто Валя.

Шорин (*радушно*). Прошу к столу.

Валя. Я увидела в окнах свет и решила, что Федор Васильевич вернулся.

Власов. Да, я вернулся.

Шорин (*поглядывая на него*). Что это ты такой важный стал?

Антонина Ивановна (*из коридора Шорину*). Алексей, развяжи мне вещи!

Шорин. Есть развязать вещи!

Когда он вышел из комнаты, Валя, воровато оглянувшись, зашептала:

— Не говори им, кто я... Хорошо?

Власов. Хорошо!

Валя. Я сейчас уйду... Я хотела только взглянуть на тебя... Я живу у мамы, одна.

Власов. Меня это мало интересует.

Валя (*заискивающе*). Это твои друзья?.. Этот человек?..

Власов. Да.

Валя. И эта женщина?

Власов. Да, друзья.

Валя. Я знаю, что ты не простишь...

Власов (*поморщился*). Чего ты хочешь?

Валя (*торопливо вытерла слезинки*). Я не буду... Я только хочу, чтобы ты меня понял...

Власов. Не пойму.

Орудийный залп.

Валя (*испуганно*). Что это?

Антонина Ивановна и Шорин входят в комнату.

Шорин. Это салют!

Власов раздернул штору. Открылась Москва в огнях салютов, празднующая мир.

Трое стоят у окна. Валя поодаль, в глубине комнаты.

Снова залп.

Все трое — негромко:

— Ура-а-а!..

Кухня. Тошная кошка трется о ножку стола. Федор в пижаме наливает в блюдечко молоко. Кошка пьет. Федор стучит в закрытую дверь:

— Антонина! Если ты еще раз забудешь купить кошке молока, я ее выброшу! (Стучит.) Антонина! Ты что, спишь?!

Молчание. Взялся за ручку двери. Дверь отворилась. Комната пуста.

Раннее утро. Идет по улице Москвы Антонина Ивановна. Проходя мимо витрины, взглянула искоса на свое отражение в стекле. Аляповатые пыльные манекены, не передевавшиеся с начала войны, в манерной женственности изогнув руки, смотрят на нее стеклянными глазами. Антонина Ивановна тоже поглядела на них и снова на себя, в стекле. Но, заметив взгляд прохожего, одернув гимнастерку, пошла дальше.

Издали мы видим, как Антонина Ивановна идет уже по вестибюлю института, по лестнице, по коридору и как постепенно образовывается возле нее, все увеличиваясь, группа людей. Все те, кто знал ее раньше.

— Это здорово, что вы вернулись!

— А я как рада вас видеть! Вас — всех!

Кто-то вздохнул:

— Ой не все... не все здесь.

— Толмазов в ополчении погиб.

— Горяев руку на фронте потерял.

— А где?.. забыла... заикался немножко...

— Петровский?! Ушел в аппарат.

— А Сорокин?

— Сорокин в Караганде!

— А ты?

— Я кандидатскую защитил.

— Ты изменилась, Антонина Ивановна...

— Да, я бы, пожалуй, вас не узнал...

— А кабинет профессора все там же? — спрашивает Антонина Ивановна.

— Без перемен — там же! Пошли!

Они скрылись за поворотом коридора.

Кабинет профессора. Учитель нескольких поколений, автор целого ряда научных работ, он похож лицом на старого рабочего, и это впечатление не пропадает и тогда, когда мы слышим его речь, речь коренного российского интеллигента.

Антонина Ивановна в скромном, довоенной моды платье стоит перед ним.

Профессор. Ну-с, две недели подготовки прошли! Приступайте к работе! (Шутливо.) Час пробил!

Антонина Ивановна. Даже руки трясутся — так волнуюсь...

Она слегка вытянула вперед руку.

Профессор. Что это?

Антонина Ивановна. ...Дрожат...

Профессор. Нет, это?

Антонина Ивановна (мимходом). Осколочное ранение. И зубы стучат.

Профессор (*иронически*). Побольше мужества. Идите. Пора начинать. Я приду тоже.

И он поцеловал ее руку со шрамом.

Антонина Ивановна в лаборатории ведет занятия.

Антонина Ивановна. В шлиховом анализе вашей задачей является определение в породе наличия того или иного минерала...

Со стороны кажется, что она отвечает урок.

— ...Среди них важнейшее значение имеют следующие минералы, я перечисляю их в порядке уменьшения их удельного веса: иридий, золото, платина, вольфрамит, циркон, алмаз, минералы урана...

Шум работающих машин заглушает ее голос.

Цех станкостроительного завода. Глазами документалиста мы видим повседневный труд машин и людей. Власов обходит станки монтируемого цеха. Останавливается у некоторых из них.

Та же аудитория. Антонина Ивановна стоит, наклонившись над столом, возле одного из студентов. Подняла голову от микроскопа.

Антонина Ивановна. Здесь мы видим кристаллы оловянного камня.

Студент. Я прошу меня извинить, мне думается, что нестереотипный в данном случае вид кристалла вполне допускает заблуждения. Это не оловянный камень. Это титанит.

Власов идет к выходу вместе с начальником цеха. В коридоре на подоконнике сидит кошка. Власов смотрит на часы.

Антонина Ивановна стоит возле доски, зажав в пальцах кусочек мела. Она бледна и внутренне неспокойна.

Антонина Ивановна. Итак, в данной фракции мы установили наличие следующих минералов... Титанит.

Она пишет на доске формулу. И останавливается. Мел застывает в воздухе.

По комнате пробежал шумок. Она быстро обернулась, взглянула на аудиторию... Все смотрят, но никто не решается сказать ей, что она ошиблась. Одна из цифр, написанных ею, неверна! Она поглядела на профессора. Встретив ее взгляд, он тихо назвал правильную цифру. Тогда она снова повернулась к доске, робким движением стерла старую цифру и написала новую. Опустила руку вниз. Тишина. Слышно, как упал на пол кусочек мела.

Кабинет профессора Андреева. Он сидит за столом. Напротив Антонина Ивановна.

Антонина Ивановна. Мне надо бросить институт! Пойду паспортной в домоуправление!

Профессор. Вы не только не бросите институт, а с завтрашнего же дня начнете ходить на лабораторные занятия ваших коллег...

Антонина Ивановна (*строптиво и гневно*). Это же курам на смех! Сидеть за партой вместе с ребятами, которые мне в сыновья и дочери годятся!

Профессор (*как бы не слыша ее слов*). А кроме того, попрошу вас также посещать мои лекции и в кратчайший срок наверстать все пробелы, возникшие у вас за военный период.

Антонина Ивановна. Я могу идти?

Профессор. Идти вы можете. Но я прошу вас: не уступайте сейчас своему малодушию! Не уступайте себе! Уступите сейчас—будете уступать и дальше! С этого человек начинает спускаться вниз.

Антонина Ивановна вышла за дверь.

Комната Власова. Вечер того же дня. Он спит одетый на диване. Хлопнула входная дверь. Он быстро вскочил. Взглянул на часы.

Власов. Антонина, это ты?

Голос. Я.

Власов. Зайди! Я тебя давно жду. Прилег, думал, на секунду и чуть не проспал! Мне надо опять на завод ехать, и, наверное, на всю ночь.

Он потер ладонями лицо.

Вошла Антонина Ивановна

Власов. Замоталась?

Антонина Ивановна кивнула головой

Власов. Я тоже!

Антонина Ивановна. Цех когда пускаете?

Власов. Двадцать третьего. Знаешь, как говорится, новые времена — новые песни. Меняем весь технологический процесс. Слушай, очень тебя прошу, заплати за квартиру... Таскаю который день... и который день возвращаюсь ночью. (*Подает ей квитанцию и деньги*) Ты что зеленая?

Антонина Ивановна. Я не зеленая

Власов. Ну, синяя.

Антонина Ивановна. Так!

Власов. А что не так? Случилось что-нибудь?!

Антонина Ивановна прошлась по комнате

Антонина Ивановна. Да нет! Пожалуй, ничего. Трудно мне, Федор!

Власов. Я не понимаю, чего ты ждала, чтоб все как по маслу? (*Он собирает бумаги в портфель.*) Мне тоже, Тонька, бывает несладко...

Антонина Ивановна. Может, бросить все к чертям?

Власов. Тебе, наверное, хочется, чтоб кто-нибудь уговаривал... Пожалел.. «бедная» сказал?

Антонина Ивановна (*смеясь*). Нет, конечно, ничего я не брошу. И все-таки, Алексей бы понял меня.

Власов. Он-то, конечно, уж... Еще бы. Он любит тебя!

Антонина Ивановна (*смотрит на него*). Как это?!

Власов. Конечно. Будто не знаешь.

Он вышел в переднюю и вернулся в пальто.

Антонина Ивановна. Трудно допустить, что можно полюбить меня, немолодую да и некрасивую женщину.

Власов (*надевая пальто*). Значит, бывает. Ты жалеешь, что не знала этого раньше?

Антонина Ивановна Ну, это ничего не изменило бы.

Власов (*заматывает на шею кашне*). Почему? Поставила, так сказать, на себе крест? Или любишь кого-нибудь другого?

Антонина Ивановна. Люблю.

Власов. Жаль.

Антонина Ивановна. Кого жаль?

Он взял в руки кепку.

Власов. Жаль, что любишь другого, а не Алексея.

Антонина Ивановна. Мне тоже жаль.

Власов (*надел кепку*). Кого же ты любишь?

Около Антонины Ивановны зазвонил телефон. Она взяла трубку, сказала:

— Тебя.

Власов. Меня?!

Антонина Ивановна (*протянула ему трубку*). Тебя к телефону.

Власов. Слушаю. Здравствуй. Работаю. Ты извини, Валя, ко мне пришли.

Он положил трубку, сел и снял кепку.

Антонина Ивановна. Тебе приснилось? Кто к тебе пришел?

Власов. Это неважно.

Антонина Ивановна взяла свой потертый портфельчик.

Антонина Ивановна. Пойду заниматься.

Власов. Я тебя спросил...

Антонина Ивановна. Я пошутила.

Власов. Нет, погоди!

Снова телефонный звонок. Он взял трубку.

Власов. Валя, я не хотел тебя обидеть. Я был занят. Занят и сейчас. Нет смысла вести по телефону такой разговор...

Он положил трубку и крикнул:

— Тоня!

Ответа не было.

Август 1945 года.

Передняя. Антонина Ивановна разбирает снятые с полок книги и образцы минералов. Прислонившись к стене, стоит Валя.

Валя. Я неудачница... Все жду, жду счастья, а оно не приходит.

Антонина Ивановна. А в чем же счастье, по-вашему?

Валя. Чтоб любил кто-нибудь отчаянно... чтоб о деньгах не думать... чтоб... Ну, чтоб почти все желания исполнялись...

Антонина Ивановна. Я думаю, что вы никогда счастливы не будете.

Валя поглядела на нее своими прекрасными, спокойными и пустыми глазами, и в них мелькнула настороженность.

Валя. Вот как... А вы?

Антонина Ивановна. Я? (*Она помолчала.*) Когда-нибудь!

Валя. А почему же вы считаете, что я никогда не буду счастлива?

Антонина Ивановна. Так уж... Чувство счастья — это награда... (*Она решительно подтвердила.*) Да! Счастье — это награда, которую заслуживает не каждый...

В а л я. Кто же заслуживает?

А н т о н и н а И в а н о в н а. Наверно, тот, у кого сердце бьется для людей!

В а л я. А у вас для кого оно бьется?

А н т о н и н а И в а н о в н а (*нахмурилась*). Пока я испытываю счастье от сознания, что справляюсь с горем.

В а л я (*засмеялась*). Счастье, что справился с горем?! Вот так счастье! И это вы называете счастьем?

А н т о н и н а И в а н о в н а. И это я называю счастьем!

В а л я. Нет! Нет-нет! Я не хочу такого счастья! И не хочу за что-нибудь. Хочу просто так... (*Заплакала.*) Все люди подлецы и изменники... (*И почти без перехода.*) Кто был сегодня у Феди? Я звонила ему по телефону, и он так разговаривал со мной, что я поняла, что у него кто-то есть! Там была какая-нибудь женщина?

А н т о н и н а И в а н о в н а. В комнате у Федора Васильевича не было никакой женщины. Когда вы звонили, там была я.

В а л я (*облегченно*). Отлегло...

Она слегка приоткрыла дверцу шкафа. Заглянула.

В а л я. Вы теперь тут держите книги? А у нас раньше лежала всякая рухлядь...

Она присела на стопку книг.

В а л я. Я прошу вас... Я к вам, как к матери... Помогите мне. Поговорите с Федором Васильевичем... Пусть он простит меня... Я хочу вернуться к нему. У меня нет жизни без Феди. Я сказала уже ему, что иначе я открою газ — и все. И конец. (*Всхлинула.*) Я могу вас поцеловать?

А н т о н и н а И в а н о в н а. Нет!

Квартира Власова. В передней Власов и небольшого роста паренек с незатейливым лицом. Одет по моде, бытовавшей среди части ребят после войны: сапожки, не достигающие до колен, сверху на них «наплыв» брюк, крошечная кепка с пуговкой и чуб. Пугливые женщины в темноте таких побаиваются. Это Виктор Скворцов. Из кухни — полоска света... Власов идет туда... Антонина Ивановна, сраженная сном, лежит головой на книге, протянув в почти физическом изнеможении, как хлебопашец, свои усталые руки. Рядом — тарелка с едой, к которой она не прикоснулась.

В л а с о в. Тоня! Скворцов Витька объявился! Сейчас у метро встретил...

Она спит.

— Тоня!

Проснувшись, Антонина Ивановна тяжело подняла голову.

А н т о н и н а И в а н о в н а. К тебе приходила твоя жена... Не води ее за нос... Реши.

Власов перебивает ее:

— Брось! Это неважно! Витька объявился!

А н т о н и н а И в а н о в н а (*совсем проснувшись и увидев Виктора, громко и радостно*). Витька! Милый! Ты куда это после госпиталя пропал?

Они обнялись.

В и к т о р (*тоже радостно и громко*). Повалялся месяц с небольшим, а вы за это время дальше перебазировались. А я под Сталинград попал тем временем.

А н т о н и н а И в а н о в н а (*так же радостно*). Кудри-то где взял?!

В и к т о р. Где все берут!

Антонина Ивановна (*разглядывая его*). И вырос и поправился... Садись...
Виктор. Тетя Тоня, а помните...
Власов. Знаешь, брат, вечер воспоминаний отложим. Второй час ночи. Народ мы трудовой...
Виктор. Мне к первой электричке.
Власов. Тем более. Раз встретились—больше не потеряемся.
Антонина Ивановна. А ты за городом живешь?
Виктор. Я же клинский.
Власов. Давай, давай укладываться.
Он берет Виктора за плечи и направляется с ним к двери.
Антонина Ивановна. Кем работаешь?
Виктор. Токарем.
Власов. Идем, идем...

Ночь. Комната Власова. Одинокó скучает составленное из стульев ложе, а рядом, скинув матрац на пол, спит Скворцов.

Глубокая ночь. Спят все окна домов.

Комната Антонины Ивановны. Она занимается за столом. Перелистала страницы...

Сентябрь 1945 года.

Руки перелистывают страницы... Еще руки... Еще книги... Ряды за рядами... Проходят названия книг... Это зал Ленинской библиотеки. Теперь мы видим его целиком. И видим людей, заполняющих его. Тишина.

Сидит Власов.

Поднял голову от книги... Через стол увидел Антонину Ивановну.

Он тихонько пробирается к ней и садится рядом.

Взглянув на него мимоходом, она продолжает читать.

Власов (*шепотом, насмешливо*). Грызешь гранит?

Антонина Ивановна. Грызу.

Он устал, и ему хочется поговорить.

Власов (*по-прежнему шепотом*). Я люблю здесь работать... (*Оглядывается*). Немало тут нас... Наверное, половина бывших солдат... По-моему, вон тот рыжий...

Сидит немолодой человек в штатском.

— ...Это подполковник. Я его под Ельней встречал... Всех за книжки посадили!

Он горделиво усмехнулся.

— Наши браточки военные тоже наверстывают... А я тебя давно не видел. Называется — в одной квартире. Как живешь?

Антонина Ивановна. Живу.

Власов. Тебе отдохнуть надо. Не пойдешь в воскресенье со мной на футбол?

Антонина Ивановна (*читая*). Не пойду.

Власов. Я к тебе привык. И как долго не вижу — скучаю.

Она читает.

Власов. У тебя характер, Тонька, паршивый.

Антонина Ивановна. Да!

В л а с о в. Смотри, ты на что похожа

А н т о н и н а И в а н о в н а. Неважно

Он продолжает смотреть на нее. Затем, точно сделав какой-то вывод...

В л а с о в. Тоня!

А н т о н и н а И в а н о в н а (*так же рассеянно*). Что?!

В л а с о в. А ты никогда не задумывалась над вопросом, как я к тебе отношусь?

А н т о н и н а И в а н о в н а. Особенно нет. Я всегда считала, что ты ко мне хорошо относишься

В л а с о в. Мне кажется, что ты для меня...

Она посмотрела на него и нахмурилась.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Ты лучше иди на свое место, на нас уже косятся... И пусть тебе ничего не кажется. Вон сосед опять оглядывается... Иди... У меня трудный день завтра.

Комната Власова. Он, держа во рту сигарету и засунув руки в карманы брюк, стоит, прислонившись к стене.

В а л я. ... и, если ты не против, я возьму кое-какие мелочи...

В л а с о в (*с жестковатой усмешкой наблюдает за ней*). Мне кажется, ты довольно деловито собрала вещи, когда покидала этот дом.

Валя двигается по комнате, как гладкая кошка. Она хорошо одета. Красивая И ноги красивые. Чулки такие тонкие, точно их нет.

В а л я. Я сейчас... я быстро..

Она собирает какую-то ерунду.

И ноги стройные.

Он смотрит по-прежнему сумрачно, насмешливо.

Она нашла плюшевого зверя, нежно приласкала его.

Он следит за ней.

В а л я. Я ведь у мамы живу, в Лосиноостровской..

Она нашла что-то.

— Мои сандалеты!

Смотрит на него просительно.

— Федя, у меня страшно ноги устают на каблуках... Я ведь от станции еще иду пятнадцать минут. Я переоденусь. Можно?

Он с деланным равнодушием пожал плечами.

— Пожалуйста.

Она скинула туфлю.

Он отошел к окну и стал спиной.

Стукнула вторая туфля, упав на пол.

Он смотрит в окно. Равнодушное лицо. Он вполне владеет собой.

Он слышит голос Вали за спиной:

— ... И чулки сниму... жарко...

Валя держит в руке его фото.

— А можно я возьму это фото?

В л а с о в. Все, что здесь еще твое,— можешь брать.

Валя подошла к нему, внезапно обхватила его руками, стремительно и властно:

— Здесь мое—это ты!

По лестнице быстро поднимается Антонина Ивановна. У нее хорошее настроение. Подхватила по дороге кошку, сидящую на ступеньках.

Звонит громко и торжествующе. Еще раз! Убедившись, что дома никого нет, она открывает дверь ключом.

Дверь к Власову открыта. Она заглянула в комнату... Пусто... И почему-то сразу бросились в глаза женские туфли на высоком каблуке и рядом большие ботинки Власова.

Она прошла в кухню... Опустила на пол кошку...

На веревочке, как знамя победителя, свисают выстиранные тонкие чулки.

Комната Антонины Ивановны. Она собрала несложный багаж. Пишет записку. «Федя, я уезжаю в командировку...»

Секунду задержалась, продолжает:

«...совсем неожиданно. Срочно. Кошку отдай соседям, они просили. Спасибо за приют. Антонина».

Положила записку на стол. Рядом — ключи. Взяла чемодан. Огляделась и вышла. Хлопнула дверь.

Март 1946 года.

Дверь квартиры Власова. Перед ней — кошка. Подходит (мы видим его со спины) какой-то мужчина. Нажимает звонок. Дверь открывается... Вместе с входящим пытается войти и кошка, но сейчас же вылетает оттуда отнюдь не по своей воле.

В передней стоит Шорин. Он мало изменился за этот год. Только вместо гимнастерки на нем хорошее пальто. В руке чемоданчик. Перед ним стоит Валя.

Ш о р и н (*в недоумении*). Эге! Я, кажется, не туда!

В а л я. Вы меня не узнаете?

Ш о р и н (*с трудом припоминает*). А-а-а... Вы опять здесь... Здравствуйте!

В а л я. Я теперь всегда здесь. Здравствуйте. Вы, очевидно, давно не были в Москве? Федор Васильевич скоро придет.

Ш о р и н. Да, я давно не был. Так-так...

В а л я. А почему вы не спросите, где Антонина Ивановна?

Ш о р и н. А где Антонина Ивановна?

В а л я. Она в командировке. И давно.

Ш о р и н. Так-так...

Валентина берет с подзеркальника конверт.

В а л я. Вот это, очевидно, ваше письмо для нее?

Ш о р и н (*посмотрев*). Мое.

В а л я. Оно давно лежит здесь.

Ш о р и н. Так-так...

Комната Власова. Здесь, кроме него, Шорин и Виктор Скворцов.

В и к т о р. ... Дела у меня завернулись такие... с завода ухожу! Играю!

Ш о р и н. Артист?

В и к т о р. Нет, зачем... в футбольной команде играю

Радостно возбужденный он махнул рукой:

— ...Талант открылся! Сам удивляюсь! В беге нынче первенство взял на тысячу метров! В эстафете на три километра! А в прошлом году...

Ш о р и н (*подмигнул*). По-прежнему?

В и к т о р. Что—по-прежнему?

Ш о р и н. По-прежнему заливать-то любишь?

В и к т о р (*простодушно*). Что вы! Теперь куда меньше!.. Так разве... Встретись со своими ребятами и пошло... под веселую руку! Но куда меньше... В возраст начал входить.

В л а с о в. Опять на метро опоздал?

В и к т о р. Опять. Провожал... Одна тут... Тетя Тоня не приезжала?

Коридор. Темно.

У двери стоит Валя, в халате и с бигуди на голове. Слушает.

Г о л о с В и к т о р а. ... Ведь если бы не тетя Тоня, вы бы тогда, Федор Васильевич, так по частям и валялись. Вот женщина, а? Два километра вас протащила... А вы—без всякого сознания! Как ребенка родного потом выхаживала...

Комната. Разговор продолжается.

Ш о р и н (*насмешливо*). Да уж...

В и к т о р. А что? Скажете, я худой боец был? Худой, да?

Ш о р и н. Боец-то хороший был. А сейчас... фанфаронишь чего-то...

В и к т о р (*сокрушенно*). Это есть. Мне говорили.

И снова возвращается к прежней теме:

— И вот, несмотря, что я тоже весь сшитый и перелицованный, а руки-ноги опять работают, да как! Я тут такого дал! Играли с «Торпедо»... Стадион весь встал! Все как один! А женщины даже плакали некоторые...

Ш о р и н. Не лишку ли?

В и к т о р (*охотно согласился*). Верно. Перехватил.

Во время этого разговора Власов нервничал, курил и прохаживался по комнате. Наконец сказал с нетерпением.

В л а с о в. Ложись спать. Нам потолковать надо!

В и к т о р (*кивнул головой и, понизив голос, спросил*). А супруга ничего? Не рассердится? Она у вас сурьезная. Скажет, развалился..

Власов вышел за дверь.

Ш о р и н. Учиться бы шел.

В и к т о р (*сосредоточенно морщит лоб*). Думал я... А эта... тут... Ну, одна есть... В техникум все подбивает... Ну, не знаю.

Возвратился Власов.

В л а с о в. Вот тебе подушка и простыня.

В и к т о р. Да не надо. Я не буду раздеваться.

В л а с о в. Еще что? В ночлежке, что ли? Ноги-то не вытягивай!

В и к т о р. Есть не вытягивать ноги!

Власов укрывает его, как маленького.

В и к т о р. А помните, как в задание пошли и на дереве ночевали? Еще тетя Тоня нас привязывала. «Уснете!»—говорит. «Не уснем!». «Уснете и свалитесь и подорветесь!» А у нас у всех—тол, взрывчатка, гранаты... Вот смехота! И привязала!

Ш о р и н. Что ты все — «тетя Тоня», да «тетя Тоня»?

В и к т о р. Уважаю.

В л а с о в (*потушил верхний свет*). Спи! (*Шорину.*) Я сейчас...

Он вышел из комнаты...

Кухня. Власов держит в руках тарелку, хлеб и пол-литра. Валя стоит возле.

В а л я. Тебе все близкие, кроме меня...

Власов пошел к дверям.

В а л я. И еще этого подозрительного парня приучаешь к дому... Вот обчистит, тогда...

Шорин сидит неподвижно.

Сонный голос Виктора:

— Ты, говорит, хороший, тебе учиться надо... Тоже влияние свое показывает...

Ш о р и н. Ты что, бредишь?

В и к т о р. Да нет, смешная...

Ш о р и н (*помолчав*). Вот какие дела!

Вошел Власов с деланно веселым лицом, неся ужин.

В л а с о в. Рассказывай, как свою жизнь устроил?

Ш о р и н. Работаю. С любовью работаю, с удовольствием. Живет со мной сестренка. У нее муж в войну погиб. Помогаю ей ребят на ноги ставить.

В л а с о в (*по-прежнему приподнято*). Значит, теперь ты начальник строительства?

Ш о р и н. Да. Начальник.

В л а с о в (*так же*). Значит, смету приехал утверждать?

Ш о р и н. Да. Смету. А как ты свою жизнь устроил?

Власов отошел к окну и взглянул на крыши.

Поздний вечер. На улицах редкие прохожие. Торопливо шагает по тротуару Антонина Ивановна. Скрылась в подъезде. Надпись: «Общежитие № 12».

Опять комната Власова. Бутылка опустела. Около Шорина стоит невыпитый стакан.

В л а с о в (*уже заплетающимся языком*). Понимаешь ли, что сделано, то сделано... А я, как говорится, из тех бычков, которые если уж надели на шею веревочку, так до конца на ней и пойдут...

Он положил голову на стол и неожиданно запел: «Располным полна моя коробочка...»

Потом поднял голову и улыбнулся бессмысленно и добродушно.

В л а с о в. Я, кажется, пьян.

Ш о р и н (*вздохнув*). А-ха-ха... Мне бы возненавидеть тебя надо, а я жалею. Жалею, брат, тебя, сам не знаю почему...

Бульвар. Солнышко. Ребятишки.

На скамейке сидит Антонина Ивановна с книгой.

Возле нее останавливается существо в синем плюшевом пальто. Раскрыв пухленькую пятерню, высыпает ей на колени кучку песка.

Антонина Ивановна смотрит на ребенка серьезно и печально. Подошла пожилая женщина с простым крестьянским лицом.

Ж е н щ и н а. Знакомиться с вами хочет.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Это ваш?

Она взяла ручку ребенка.

Ж е н щ и н а. Наш. Внучек наш. Да дома у дочки еще двое, только те уж боль-
шенькие. (*Присаживается на скамейку.*) Ну-ка... Скажи тете, как тебя зовут...

С у щ е с т в о. Коля!

Идет по бульвару Шорин. В руке у него тот же чемоданчик. Остановился у киоска с папиросами.

А на скамейке завязался разговор.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Чему же вы учите своих внуков?

Ж е н щ и н а (*очень просто*). А добру.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Добру? А что такое добро?

Ж е н щ и н а. Ну, не знаю, как по-вашему рассказать. Добро — слово понятное, человеку только захотеть надо его понять. Вот и все.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Это слово, какое-то... не очень определенное... еван-
гельское...

Ж е н щ и н а. Полноте-ка! Бог тут ни при чем.

А н т о н и н а И в а н о в н а. А вы сами верите в бога?

Ж е н щ и н а (*ведет беседу с глубокой душевной убежденностью*). Нет. Давно уж
от него отвыкла. Муж у меня неверующий был... он из первых комсомольцев у нас на
селе... И дети комсомольцы... Нет, в бога я не верю. А людям верю. И любить их —
люблю. И всегда — что ни случись — к людям иду. И люди всегда тебе ответят. А у
вас — семья?

А н т о н и н а И в а н о в н а (*помолчала и только потом ответила*). Нет!

Ж е н щ и н а. Худо дело. Работаете?

А н т о н и н а И в а н о в н а. Да. Работа у меня интересная.

Ж е н щ и н а. Раз вы человек самостоятельный, взяли бы на воспитание... Сейчас
сирот многие берут.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Нет. Я не могу.

Ж е н щ и н а. Что же так? Комнаты нет?

А н т о н и н а И в а н о в н а. Нет, комнату я на днях получаю. Дело не в ней.
Нет. Пока не могу. Для этого надо иметь щедрость в душе...

Ж е н щ и н а. А для себя жить тоже мало интереса.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Пожалуй, для себя я совсем не живу... Работы
у меня очень много и времени — ни на что другое... Ох!

Ж е н щ и н а. Что вы?

А н т о н и н а И в а н о в н а (*смотрит вдоль аллеи*). Мне показалось, что один
товарищ... Нет, я ошиблась...

Веселый шум. Возникает музыка. Крики: «Поздравляем!», «С новосельем!»

У Антонины Ивановны гости. Стол с закусками и пирогами. В комнате еще нет
обстановки, и даже стулья взяты напрокат. Гости — в основном геологи и соседи по

квартире. Несколько в стороне Власов, молча курит. Он один, без Вали. Гости, как это всегда бывает после выпитой рюмки и хорошего ужина, разбились на «стайки», и в каждой своя тема.

Скворцов внимательно слушает соседа Антонины Ивановны по квартире, изредка потряхивая головой в знак понимания.

Сосед. ... Ну, а внешнее оформление корпуса... там... штабики, карнизные бруски, это прикрепляем на клею и шпильками дополнительно... Тут идет в основном угловая струбцина. Только когда зачищаешь кромку...

Первый студент. А недавний налет на советское посольство — это что, по-твоему, тоже дипломатией называется?

Второй. Конечно! Это называется буржуазной дипломатией!

Третий. А ты знаешь, что на посты руководителей дипломатических ведомств назначаются представители военных организаций и финансовых кругов...

Соседки - женщины. ...Надо взять стакан меду, а столетник нарезать кусочками, и пусть стоит в темном месте три дня. А потом по столовой ложке в день два раза. И все. Вот если заложить горло или кашель... Очень это хорошо!

А в углу поют геологи свои песни.

Нам немало по свету хаживать,
Жить в землянках, в палатках, в лесах.
Знать маршруты, породы, скважины,
С рюкзаком пробираться в горах.

И в предгорьях седого Урала,
В кишлаках азиатских степей,
В Заполярье, средь дикой вьюги,
Мы повсюду найдем друзей.

Под шум разговоров и пения Власов незаметно встал и вышел в переднюю. За ним вышла Антонина Ивановна.

Антонина Ивановна. Уходишь?

Он надевает пальто.

Власов. Надо идти... Валентина опять... Видишь, не захотела со мной пойти...

Он взял в руки кепку.

Власов. Глупости, понимаешь ли, у меня дома происходят... Не нравится ей, что дружу с тобой... и Алешка ей не понравился... и Виктор... тоже...

Антонина Ивановна молча слушает с отчужденным выражением лица.

Он подал ей руку.

Власов. Ты, Тоня, не заходи к нам пока... а я тебе позвоню...

Антонина Ивановна (обрывая его). Нет уж, не надо! Не звони!

Власов. Ты не сердись...

Антонина Ивановна (распахнула дверь). Мы тебя больше не побеспокоим!

Секунду посмотрела ему вслед, как он, ссутулив виновато спину, спускался по лестнице, потом закрыла дверь.

Комната института. Готовятся к отъезду в экспедицию. Упаковывают походную лабораторию. Здесь же стоят ведра, примуса... На полу свалены спальные мешки. Студенты зашивают в мешковину ящики с полевым снаряжением.

Антонина Ивановна (*обращается к студенту в клетчатой рубашке*). Ничего нельзя делать, Шульгин, спустя рукава. Вы видите... вот здесь мешковина поползет. Распорите и зашейте снова.

В дверь просовывается голова сотрудницы:

— Антонина Ивановна, вас спрашивает внизу какой-то Скворцов... по важному делу...

В пустой аудитории Антонина Ивановна и Скворцов.

Антонина Ивановна. Садись! (*Внимательно на него посмотрела.*) Ты что, выпивать стал?

Виктор. Ай, раз в год!.. (*После паузы.*) Получилась любовная канитель у меня...

Антонина Ивановна. Это по поводу канители ты и явился в институт?

Виктор. Тетя Тоня, одну минуточку! Как вы человек старший и опытный...

Антонина Ивановна. Что это «опытный»? В любви, что ли? Так ошибаешься, такого «опыта» не бывает. Разве в представлении пошляков... Ну, дальше!

Виктор свой рассказ ведет развязно:

— Есть у меня тут в Москве одна Маруся. Гуляю с ней.

Антонина Ивановна. Ее Маруся зовут?

Скворцов. Катя.

Антонина Ивановна. А при чем тут Маруся?

Скворцов. Поговорка... Она тоже детдомовская, как и не я.

Антонина Ивановна. Как и я.

Скворцов. Как и я. Ну, значит, поставил я ей условие—переезжай в Клин, а она говорит, не могу учебу бросить! А у нас строительного техникума в Клину нету. Я говорю: бросай к чертям техникум. Она плачет. Люблю, говорит, тебя, а учебу не брошу. Письма пишет... (*Вытащил из кармана брюк мятое письмо.*) Вот... Хотите почитать?

Заметив каменное лицо Антонины Ивановны, смущенно сунул письмо обратно.

Виктор. Люблю, говорит, и все. В общем-то и я ее тоже, конечно... ну, люблю, что ли... Короче говоря, есть тут у них один парень. Вьется за ней целый год. Книги ей приносит, билеты в театр... А и парень-то ерунда! Один глаз на Кавказ, а другой в Арзамас. Ну, короче говоря, у нее, оказывается, ребенок будет. Я ей говорю... не знаю только, с кем компанию делить. Гляжу, она бледная стала... как вот эта стена, и молчит. А я вскочил на трамвай да еще присвистнул! И уехал. На повороте один раз оглянулся, а она все стоит... и все смотрит на меня... а я уже — до свидания... (*И очень доверительным тоном.*) Если по-свойски, тетя Тоня, говорить, между нами...

Антонина Ивановна (*давно сдерживала буйный гнев*). Знаешь что... Я подумала сначала, что ты пошляк... Нет... ты хуже! (*Кажется, что она сейчас его ударит.*) Дурака не валяй! Понятно? (*Она топнула ногой.*) Уходи! После зайдешь!

Виктор покорно вышел.

Антонина Ивановна заходила по комнате. Вошла сотрудница. Увидев ее возбужденное состояние, вопросительно взглянула на нее.

Антонина Ивановна. Где-то я слышала, что, когда рассердишься, нельзя отвечать человеку сразу, надо сначала до тридцати досчитать. А я так и не научилась! Ах, черт возьми!

Октябрь 1947 года.

Небольшая станция, окруженная тонкими северными березками в осенних желтых листочках. На перроне в ожидании поезда сложен багаж возвращающейся в Москву поисковой партии. Люди разбрелись по сторонам. Присев на край ящика, Антонина Ивановна пишет на бланке:

«Проезжаю мимо пятого. Поезд шестнадцать. Вагон девятый. Антонина».

По узкоколейке к перрону маленькой станции подходит местная «кукушка». С ней прибывают сюда вагоны возвращающейся экспедиции. На перроне стоит Шорин, сосредоточенно следя за приближающимся составом. Приложил ко рту рупор рук:

— Тоня!!

Держась за руки, Шорин и Антонина Ивановна шагают через железнодорожные пути.

Ш о р и н. Ты успеешь! У тебя же сорок минут впереди. Покажу тебе свое хозяйство.

На путях стоит товарный состав. Из раскрытых дверей глядят коровы.

Антонина Ивановна остановилась. Гладит добрую коровью морду.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Куда же это ты, голубушка, уезжаешь?

Ш о р и н. В разоренные районы посылаем. И скот, и инвентарь сельскохозяйственный, и семена. Все — туда.

Они миновали пути, и сразу подступила тайга.

Стоит машина.

Ш о р и н. Не отвыкла еще от такого транспорта!

А н т о н и н а И в а н о в н а (*насмешливо*). Писал, что город... И то... и се... Дремучий лес один.

Ш о р и н (*заводит мотор, усмехается*). Какой же дремучий! Вот когда я приехал сюда в первый раз, верно, был дремучий.

Они едут по дороге.

Ш о р и н. Это недолго такая дорога, дальше попрыгаем по валунам... На трассе много речек, в среднем две-три на километр, быстро не продвинешься. А у тебя на душе как?

А н т о н и н а И в а н о в н а. Ну ее, душу! Не до нее!

Они едут среди железного лязга, короткого тархтения выхлопов, окриков. Проехали мимо экскаватора, работающего на отсыпке дороги.

Ш о р и н (*поглядывая по сторонам*). Грунт плохо берется. Но в общем терпеть можно.

А н т о н и н а И в а н о в н а. А ты где живешь?

Ш о р и н. Пока в палатке, как все.

А н т о н и н а И в а н о в н а. А сестра с ребятами?

Ш о р и н. Они в поселке. Порядком отсюда. Пока ребята не кончили начальную школу, это не проблема. Так все семьи. У строителя жизнь на колесах. Я оттого и прохожу, верно, неженатым... Ну, конечно, и не только поэтому...

Машину тряхнуло. Она пошла по валунам, пересекая говорливую речушку.

Ш о р и н. Теперь на время — молчок.

Антонина Ивановна. Я же не молчать приехала...

Шорин. Болтливому и непривычному к таким дорогам легко языка лишиться...
Машины сильно подкидывает.

Антонина Ивановна (*между двумя толчками, смеясь, пытается говорить*).
Куда тебя несет, Алешка?! Я же к поезду опоздаю.

Из-под колес летят сверкающие брызги.

Задыхаясь от смеха, Антонина Ивановна пытается что-то сказать, но безуспешно.

Они стоят возле машины.

Шорин. А вот наш город!

Антонина Ивановна. Где?

Шорин. Здесь. Видишь, там тоннель через перевал... Плотина налево... Электростанция... Рядом промышленный комбинат, а восточнее жилые дома...

Следя за его рукой, мы видим то стену неприступных кедров, то скалу, то каменистый пригорок с палатками и лежащей на «приколе» козой..

Антонина Ивановна. Ты это видишь?

Шорин. Вижу.

Антонина Ивановна. Значит, так и будет. Значит, увидят все. Ты прав, Алешка, сначала видят немногие.

И снова речушка.

Шорин. А Федор как? Я писал — не отвечает.

Антонина Ивановна. Не пиши. У него другая жизнь, и мы ему не нужны. Она выглянула из кабины.

Антонина Ивановна. Как высоко вода. По-моему, надо снять вентиляторный ремень, а то свечи забрызгает.

Вода шумит вокруг машины, подымаясь все выше.

Шорин. Надо снять.

Он приоткрыл дверцу. Хлынула вода.

Шорин. Все. Мотор заглох. Ох, и будет мне сегодня от завгара.

Антонина Ивановна. Алешка, я же к поезду опоздаю.

Шорин высунулся из кабины и оглушительно свистнул несколько раз. На берегу, очевидно, привыкший к таким делам, развернулся бульдозер и задним ходом пошел в реку. Шорин вылез на крыло и поймал конец троса.

— Спасены! — сказал он.

Выскакивают у станции из машины и бегут.

И вот сейчас отойдет уже поезд. А они еще продолжают разговор.

Шорин. Федор большую ошибку сделал. Эта его Валентина...

Поезд дал свисток.

Шорин. А я ведь думал, у вас с ним жизнь вместе пойдет.

Антонина Ивановна (*помотала головой*). Нет! Он привязан был ко мне, верно. Я ему как родная была... Только это совсем другое чувство... Поздно мне было надеяться... Дура старая...

Поезд тронулся. Антонина Ивановна стоит на площадке. Она старается скрыть слезы.

Антонина Ивановна. До свидания, Леша!
Шорин (*идет за вагоном*). Эй, эй, солдат, брось!
Антонина Ивановна (*улыбнулась*). Бросила!
Шорин (*убыстряя шаг*). Писать будешь, Тонь?
Антонина Ивановна. Буду! И ты. А на пенсию выйду, приеду сюда...

Шорин (*вслед*). Я буду тебя ждать! (*Он машет рукой.*) Приезжай!

Хлопнула дверца машины, подъехавшей к зданию института. Из кабины грузовика вышла Антонина Ивановна. У нее все тот же «походный» вид. С машины спрыгнули несколько человек. Все худые, черные, все какие-то выгоревшие... Студент ставит около Антонины Ивановны ее чемодан.

Быстро скидывают с машины вещи — тюки, походные мешки, ящики, инструмент.

Вносят в подъезд.

Антонина Ивановна внимательно наблюдает за каким-то ящичком. Сняли... По-несли...

Студент. Вон свободное такси идет...

Антонина Ивановна. Да. Теперь поеду. Завтра приходите в институт пораньше.

Садится в такси, забрав свой потертый чемодан. Шофер — молодой общительный человек.

Шофер. Куда тебя, тетечка?

Она называет улицу.

Шофер. Карточки отменили, слышала?

Антонина Ивановна. Слышала. Очень хорошо.

Шофер. Куда лучше!

Едут по знакомой улице.

Антонина Ивановна. Вот так раз! Новый дом!

Шофер. У нас в Москве — быстро! (*У него несколько покровительственный тон.*)

А вы откуда?

Антонина Ивановна. Из тайги.

Шофер. Из тайги? А в Москву чего?

Антонина Ивановна. Домой. Я с геологической разведкой ездила.

Шофер (*немного в недоумении*). Во-от что! По какой же вы части?

Антонина Ивановна. Остановите у этого дома... Начальником отряда. Спасибо.

Шофер поглядел ей вслед очень серьезно, потом помотал головой, улыбнулся: «Дела!» Секунду подумал и с легкостью разрешил проблему: «А может, заливают?»

Комната Антонины Ивановны. Едва она вошла, как в дверь постучали. Вошла крошечная беленькая девушка и приветливо сказала: «Здравствуйте!» Из-за ее спины показался Скворцов. На нем новый костюм. Чуб приглажен.

Девушка. Меня Катя зовут, Антонина Ивановна.

Виктор. Зашли на огонек...

Антонина Ивановна. Очень хорошо! Садитесь!

К а т я. Мы сейчас в музее были. Только сегодня воскресенье, и так много народу, что мы решили сходить еще раз.

В и к т о р. К некоторым картинам, ну не пробьешься! Тетя Тоня, это моя жена.

К а т я. Ну, как ты, Витюша, нескладно...

В и к т о р. Сегодня зарегистрировались.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Вот как! Поздравляю!

К а т я. Антонина Ивановна, мне Витюша рассказал про ваш разговор с ним.

А н т о н и н а И в а н о в н а (озадаченная). Собственно...

К а т я. Так, как он все передавал вам... так, конечно, после этого можно было бы осудить его, и другой бы осудил... А Витюша рассказал, как хорошо, как душевно вы к нему отнеслись... и он после этого все понял, все ему представилось по-другому.

Антонина Ивановна глядит на эту девушку, в ее чистые, доверчивые глаза и понимает, что она говорит вполне серьезно.

И Виктор смотрит на Антонину Ивановну, не спуская глаз...

Только как будто подмигнул слегка левым глазом...

Антонина Ивановна вдруг засмеялась, взяла Виктора за голову и крепко его поцеловала. Потом поцеловала Катю.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Нечего мне подарить тебе сейчас...

Она оглядела комнату.

Потом, вспомнив, сняла с пальца тоненькое колечко с камешком, протянула его Кате и сказала:

— Возьми... это еще матери моей...

Катя вспыхнула, тихо сказала «спасибо» и надела колечко на палец...

А н т о н и н а И в а н о в н а (с сияющим лицом). Спасибо... Спасибо...

Она пожимает протянутые к ней руки.

Комната кафедры полна народа. В центре стоят профессор Андреев и Антонина Ивановна.

А н д р е е в. Вы можете с гордостью считать, что в сегодняшних свершениях, когда выполнена послевоенная пятилетка, давшая чудеса трудового героизма, не меньшего, чем подвиги военных лет, есть частица и вашего труда.

Он слегка улыбнулся и вполголоса сказал:

— Не вышло паспортисткой в домоуправлении, пришлось стать кандидатом наук.— И потом снова громко поздравил ее: — Поздравляю вас, дорогая моя Антонина Ивановна!

Руки тянутся к ней. Кто-то целует ей руку.

— Спасибо... Спасибо...— отвечает она.

Возвращаясь домой, Антонина Ивановна идет со своим портфельчиком по двору. Навстречу маленькая старушка с мальчиком в школьной форме. Старушка останавливается.

С т а р у ш к а. Здравствуйте! Не узнали? А я узнала. На скамеечке с вами сидели... разговор вели.

А н т о н и н а И в а н о в н а. А-а-а... Здравствуйте!

С т а р у ш к а. Вы в этом доме живете? Вот хорошо. Мы нынче тоже здесь квартиру получили. В пятом подъезде.

Антонина Ивановна *(смотря в открытое, славное личико парнишки)*. А это неужели внук ваш... Забыла, как тебя зовут.

Мальчик. Коля.

Антонина Ивановна. Ах да! Коля!.. Как вы живете?

Старушка. Хорошо живем. Мне ответственной стало. Зятя с дочкой, как специалистов, направили на Дальний Восток на два года. А я с ребятами.

Антонина Ивановна. Трудно?

Старушка. Делать-то все сами делают, не набалованные они у нас. А я вроде министра над ними.

Антонина Ивановна. Ты в каком классе, Коля?

Коля. Во втором.

Антонина Ивановна *(улыбается)*. Изменился ты сильно. Так заходите ко мне. Я в шестьдесят девятой квартире. Придешь, Коля?

Коля. Приду. Спасибо. А вы играете в шахматы?

Антонина Ивановна. Пока нет.

Старушка. Все со своими шахматами... Гулять не выгонишь...

Антонина Ивановна *(глядит на Колю)*. Как идет время!

Снова комната кафедры. За столом сотрудница разбирает почту.

Антонина Ивановна *(посмотрела на часы)*. Ну, надо идти... Через пять минут лекция.

Сотрудница. Не забудьте, у вас в шесть совещание. Сегодня тяжелый день по загрузке?

Антонина Ивановна *(идя к двери)*. Обычный!

И снова знакомый коридор.

Сотрудница *(догоняет Антонину Ивановну)*. Вам еще письмо!

Аудитория. Антонина Ивановна входит, подойдя к столу, кладет на край его только что полученное письмо.

Антонина Ивановна. Так вот... Подводя некоторые итоги перед началом второго семестра, нужно напомнить, что в связи с решениями Девятнадцатого съезда партии о дальнейшем подъеме и развитии тяжелой промышленности в пятилетнем плане определены высокие темпы технического прогресса нашей страны. Поэтому по заданию промышленных организаций кафедры нашего института в нынешнем, 1952 году проводят большие научно-исследовательские работы в различных районах страны... *(Продолжая говорить, она машинально передвинула письмо на другое место.)* В горно-рудных районах Забайкалья, Алтая, Казахстана... *(ее взгляд падает на обратный адрес письма)* Урала и Закавказья...

Ее глаза читают имя отправителя письма — Ф. Власов.

Где-то совсем издали зазвучал голос трубы.

— ... Кафедра разведки полезных ископаемых проводит исследования...

Она смотрит на письмо... Ф. Власов...

— ... по газоносности углей Печерского и Донецкого бассейнов...

Она открывает конверт и достает письмо.

— ... и апатитовых руд Кольского полуострова...

В глазах мелькнули строчки письма: «...Тоня, я пропадаю без тебя... поздно я понял... я просто пропадаю...»

Пауза в лекции была секундной; она продолжала, отложив письмо:

— На научные работы института по договорам государство предоставляет большие средства...

Комната Власова. Он в старой пижаме, с взлохмаченной головой. Сидит у стола, на котором лежат чертежи, готовальня, лекало.

Он ищет сигарету... пачка пустая... берет новую.

Валя взобралась на стул, открывает форточку.

В а л я. Отравил весь дом своими сигаретами.

Валя мало изменилась и выглядит особенно свежей рядом с худым и как будто опустившимся Власовым.

Она слезла со стула.

В а л я. Опять сегодня под кроватью пол-литра нашла. Это долго будет продолжаться? Посчитай, сколько раз в месяц отнял ты у семьи по 28 рублей 50 копеек?

В л а с о в (*пробуя шутить*). По 26 рублей 50 копеек. Я дороже не беру.

Валя остановилась около него.

В а л я. Посмотри, на что ты похож.

Он невесело усмехнулся.

По улице стремительно идет Антонина Ивановна. Голос трубы поет отчетливо свою мелодию. Антонина Ивановна на ходу застегивает пуговицы пальто. Она в смятении, Глазами ищет будку автомата.

Та же комната. Валя в дверях.

В а л я. Если мне позвонят, скажи, буду в пять. И купи батон и пачку масла. Нюра сегодня выходная.

Она вышла. Телефонный звонок. Он берет трубку. Его лицо внезапно меняется. Кажется, у него перехватило дыхание, когда он произнес первые слова...

В л а с о в. Ты, Тоня?! (*И совсем тихо.*) Милая... да, я написал тебе... вот, такая подошла минута...

В а л я (*входит, надевая пальто, и говорит прежним «скудным» голосом*). И кефиру две бутылки возьми, слышишь? (*Подошла к нему.*) Меня?

В л а с о в. Нет, нет...

Он смутился так, точно его застали за чем-то глубоко нечестным. И сразу заговорил неискренним, фальшиво веселым тоном.

В л а с о в (*в трубку*). Ну, как живешь? А? Как делишки? Что? Не слышу!

В а л я. Кто это?

В л а с о в (*Вале*). Антонина Ивановна.

В а л я (*громко и спокойно*). Все не может от тебя отстать?

В л а с о в (*Вале*). Тише! (*В трубку, громко и весело.*) Видел твою книгу... вышла недавно... Ты, оказывается, уже декан факультета?

В а л я (*улыбаясь*). Обрадовался! Даже помолодел. Показать зеркало?

В л а с о в (*тихо и жестко*). Стыдись!

В а л я (*прежним ровным голосом*). Это тебе надо стыдиться, что при живой жене привел в дом какую-то старую бабу... Скажи спасибо, что я вовремя вмешалась, а то жили бы сейчас в одной комнате...

В л а с о в. Алло!.. Алло!.. Алло!..

Будка автомата. Антонина Ивановна вешает трубку и выходит. Скомкав письмо, бросает его в стоящую рядом урну.

Труба ведет свою мелодию.

Урна. Прохожий бросил в урну зажженную спичку. Корчась, горит письмо. В пламени, точно вскрикнув, в последний раз мелькнули слова: «...пропадаю без тебя». И рассыпались пеплом.

— Теперь все это давно прошло... Почти пять лет,— говорит Антонина Ивановна сидящему против нее Шорину,— и стала казаться нелепой... даже смешной вся эта история.

Шорин слушает. Его добрые, внимательные глаза устремлены на Антонину Ивановну.

А н т о н и н а И в а н о в н а. А помнишь, какой я пришла с войны?

Ш о р и н. Помню.

А н т о н и н а И в а н о в н а (*кивнула головой*). Ты помнишь... И, наверное, один на свете понимаешь, что я совсем не такая, какой кажусь людям... А я иногда гляжу на свой курс — они ведь не знают, даже не догадываются, какую благодарность испытываю я к этим ребятам! Они наполняют мою жизнь глубоким смыслом. Нет, они, конечно, не подозревают. Почему-то все это запрятано во мне так далеко, что они считают меня сухарем, требовательной, суровой... И не знают, как нежно и горячо я их всех люблю, даже самых нерадивых, самых безнадежных.

Ее лицо обращено к зрителю. Она смеется.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Нет, нет... Это не декларация... Это так и есть! Недавно я видела фильм «Дом, в котором я живу». А у меня в жизни только один дом — дом, в котором я работаю. Каждое утро... я иду в свой дом. Иногда я хожу в консерваторию. Когда я слушаю музыку, я делаюсь доброй и кроткой.

Г о л о с Ш о р и н а. Вот в это время тебе надо зачетные книжки подсовывать.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Конечно!

Улица Герцена.

Идет Антонина Ивановна мимо консерватории. На ходу проглядывает афиши концертов.

Дальше... До угла... Налево... Вот и здание института.

Она возвращается домой.

Опять идет мимо консерватории.

Памятник Чайковскому.

Изменилось содержание афиш.

Конкурсы...

Гастролеры...

Звучит музыка.

Ранний утренний час...

Поток бегущих студентов.

— Лекции начинаются в девять утра.

— Мы не только работаем, Алеша. Иногда у нас бывают веселые вечера... Один раз я даже танцевала. Мы провожали на пенсию профессора Андреева...

— Зимой начинается сессия... Это горячее время...

— Работа идет до позднего вечера.

— Наконец кончается день...

— И потом еще научная работа...

Где-то за стеной мужской голос запел романс Глинки «Сомнение».

А н т о н и н а И в а н о в н а. Может, Алеша, и одной работой жить человек!

Ш о р и н. Теперь-то уж, конечно, нам только это и осталось твердить. Лисица тоже говорила — зелен, мол, виноград!

А н т о н и н а И в а н о в н а (улыбаясь). Что ж ты смеешься?! А может, это грустно?

Ш о р и н. Так, конечно же, грустно! Только теперь что об этом говорить?! У меня хоть сестра, племянница, семья...

А н т о н и н а И в а н о в н а. Нет, ты не думай, Алеша, я тоже счастлива. Правда! Я только не люблю праздники... Какую-то противную пустоту начинаешь ощущать. А в остальном все хорошо...

Аудитории... Идут лекции... Мы видим головы, склоненные над тетрадями... Руки, стремительно конспектирующие лекции...

Пытливые молодые глаза...

Среди других педагогов Антонина Ивановна, читающая лекции, выступающая на диспутах, в научных кружках...

Мы видим ее на таежных тропах с поисковыми отрядами... У костра, где спят усталые люди...

А вот лаборатории...

Склонились лица над микроскопами...

Ряды пробирок...

Руки наклеивают ярлыки на образцы пород...

На полках появляются все новые и новые экспонаты...

Институтский вечер... Кружатся пары... Мелькнуло в танце улыбающееся лицо Антонины Ивановны.

Студенты отвечают...

Пишут на досках формулы, делают вычисления, вычерчивают карты...

Постепенно пустеют коридоры... Даже в вестибюле уже потушен свет. Но вот открылась еще одна дверь, и из комнаты, полной дыма и яркого света, выходят усталые люди с последнего в этот день заседания. И, несмотря на усталость, они продолжают спорить. Опять угол Манежной и улицы Герцена... Поворот... Антонина Ивановна возвращается домой. И замирает наконец наработавшийся город... И совсем, как когда-то... Если заглянуть в то окно, что светится, увидим Антонину Ивановну над письменным столом.

Шорин. ... прекрасная маркиза.

Антонина Ивановна (*засмеялась*). Брось! У тебя сейчас такое лицо, точно ты меня жалеешь или думаешь, я вру.

Внезапно мощно грянуло из-за стены продолжение романа: «Я стражду... Я жажду...»

Антонина Ивановна (*подошла к стене и громко постучала*). Сережа! Прикрой радио и не шали! (*Она вернулась на место.*) Соседей парнишка. Один дома, наверно.

В дверь постучали. На пороге появился Виктор Скворцов.

Виктор. Я за вами в пять ноль-ноль. Машина внизу.

Антонина Ивановна и Шорин поглядели на часы.

Шорин. Точно.

Он обнял за плечи Виктора.

Шорин. Так, значит, преподаешь? Растишь молодое поколение?

Виктор. Рощу! В ремесленном училище. А свои девчонки у меня — отличные! Косы — вот!

Он показал длину кос.

Шорин (*засмеялся и подмигнул ему*). Опять?

Виктор (*укоротив, показал длину кос*). Вот!

Шорин. А ты машину купил?

Виктор. Да, «Москвичок». Ребята на заводе устроили, из списанных. А у вас — нет?

Шорин. У меня казенная. Есть мотоцикл еще, да думаю продать. Староват я стал для мотоцикла.

Антонина Ивановна (*надела шляпу*). Ехать так ехать. Катя опять пирогами будет удивлять?

Виктор. А как же!

Шорин. Только учти, Виктор, я безалкогольный гость. У меня вечернее заседание и, кроме того, в гостиницу надо будет заехать за бумагами.

Виктор. Есть, товарищ командир!

Разговаривая, они остановились кружком посреди комнаты. И вдруг Виктор спросил:

— А помните... — и запел тихонько, а за ним все.

Версты, версты
Бесконечной отчизны родной...
Версты, версты,
Я вас все просчитал по одной...

Виктор. Эх, Федора Васильевича не хватает... Выбыл, как говорится, из наших рядов.

Шорин. Не встречал?

Виктор. Давно не встречал. А вы опять на два дня, как в прошлый приезд?

Шорин. На три. А что если взять, да вдруг позвонить Федору... Тоня, у тебя телефон сохранился?

Антонина Ивановна молчит и смотрит на аппарат.

Виктор. А ну, скажем, Федор Васильевич...

Все замолчали.

Ш о р и н *(тихо)*. Позвони!

Антонина Ивановна подошла к телефону и стала набирать номер...

Телефон на столе в квартире Власова. Рядом лежат шпильки, книга «Уход за кожей лица» и тарелка с остатками еды.

Монотонно звучат позывные телефона.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Никто не отвечает.

Ш о р и н. Вот что я тебе скажу, Антонина Ивановна... В следующий раз я приеду и увезу тебя к нам. Работы и там хватит.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Своих ребят подведу к выпуску, закончу свои земные дела, тогда, пожалуй, приеду... Заведу грядку с укропом и морковью, пару куриц и кошку...

Отчаянно и пронзительно запела труба, прервав ее полушутливые слова.

В автобусе тесно. Через головы пассажиров мы видим Антонину Ивановну. Настороженно и тревожно где-то звучит труба. Из-за мужчины, читающего книгу, смотрит на нее другая женщина. Ее красивое лицо кажется оплывшим, и яркая помада не украшает рот, а скорее подчеркивает его увядание. Она с настойчивым вниманием приглядывается к Антонине Ивановне. Пробралась ближе... еще ближе... и тихо сказала:

— Это вы?

Антонина Ивановна оглянулась. Смотрит. Чуть сдвинула в напряжении брови:

— А-а-а...

Ж е н щ и н а. Вы смотрите, сколько лет прошло, а я вас все-таки узнала.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Да, лет прошло много.

Г о л о с к о н д у к т о р а. Школа.

Ж е н щ и н а. Вы не сейчас выходите?

А н т о н и н а И в а н о в н а. Нет, я на следующей.

Ж е н щ и н а. Я выйду с вами.

Они пробираются к выходу.

Ж е н щ и н а. Ох, как много у меня всяких перемен. *(Она повернула голову и кому-то крикнула.)* Леля! Мы сейчас выходим!

А н т о н и н а И в а н о в н а. Да... прошло четырнадцать лет...

В а л я *(это она)*. И странно, что мы никогда не встречались. А в одном городе...

А н т о н и н а И в а н о в н а. Я мало бывала в Москве эти годы....

В а л я. Живете по-прежнему... одна?!

Антонина Ивановна посмотрела на нее и ничего не ответила.

В а л я. А ведь Федор Васильевич умер, вы знаете?

А н т о н и н а И в а н о в н а *(ей на секунду показалось, что все вокруг закружилось)*. Умер?

В а л я. Да, представьте, как...

В это время автобус остановился. Все, как всегда, спешат:

— Что же вы встали, гражданка?!

— Вы выходите или нет?!!

А н т о н и н а И в а н о в н а. Да-да... я выхожу...

Пассажиры торопливо выходят...

В а л я *(еще не сойдя со ступенек, кричит, заканчивая свою новость)*. И как умер... Он поплыл в море, мы под Сочи отдыхали... Я кричу: «Федя! Федя! Не заплывай!» А он все плывет... все дальше... и дальше... *(Она всхлипнула и тут же обернулась)*. Леля! Леля!

Девочка, стоявшая рядом, ответила:

— Я здесь.

В а л я. Да... Все плывет и плывет... Не рассчитал силы... Катер за ним... Да уже поздно было.

Пока она рассказывала, девочка с замкнутым, почти равнодушным лицом разглядывала прохожих.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Когда же это случилось?

В а л я. Два года назад... Подумайте... А это его дочь. Не похожа?

А н т о н и н а И в а н о в н а *(глядит на девочку)*. Здравствуй!

В а л я. Леля, это Антонина... забыла дальше...

А н т о н и н а И в а н о в н а. Ивановна.

В а л я. Да, да!

Девочка с прежним выражением лица подала руку.

В а л я. А помните наш разговор о счастье?

А н т о н и н а И в а н о в н а. Да, помню.

В а л я. Так вот, я была не из счастливых. Все ждала, ждала... а счастье так и не пришло...

Она невесело умехнулась, показав золотые коронки.

Девочка поглядела на мать.

Валя вытащила из сумочки карандаш.

Валя. У вас есть телефон? Я запишу...

И снова подошел автобус, и новая партия спешащих людей скрыла от нас разговаривающих.

Антонина Ивановна идет по улице.

Голос трубы звучит глухо и скорбно.

Известие оказалось ударом.

Она идет...

Гордый и радостный, идет ей навстречу юноша.

— Здравствуйте, Антонина Ивановна! Мы заняли на олимпиаде первое место!!

Антонина Ивановна глядит на него...

Ее бледные губы шевельнулись улыбкой:

— Поздравляю тебя, Коля...

И проходит...

У входа знакомая вахтерша спросила ее:

— Антонина Ивановна, здоровы ли вы?

А н т о н и н а И в а н о в н а. Я здорова.

В а х т е р ш а. Может, случилось что?

А н т о н и н а И в а н о в н а *(спокойно и несколько монотонно)*. Случилось... Один человек... я все ждала... а оказывается, его уже нет в живых... И уже два года как нет...

Сначала слышны рыдания. И вот возникает перед нами красивое девичье лицо, точно кадр из заграничного фильма, удлинённые карандашом глаза, модные губы и слезы... слезы... Мы в приемной декана факультета — Антонины Ивановны Тимофеевой. Здесь несколько человек. Плачущая студентка с лицом киноактрисы. Рядом с ней подруга. Еще студентка с крутым перманентом на голове и всегда обиженным, сердитым выражением лица. Из юношей — один хлыщ из современных эпикурейцев и второй — коренастый, являющий собой ту степень примитива, когда интеллект дремлет. В дверь заглянул еще один студент:

— А-а-а... Сливки общества здесь! (*И, кивнув в сторону кабинета.*) Не пришла?

Кто-то мрачно ответил:

— Ждем!

«Киноактриса» зарыдала вторым заходом.

Подруга. Светка, не плачь!

Вошедший. Здорово, Бобров!

Коренастый. Здорово! (*Продолжает рассказывать.*) Прицепилась, почему я научные кружки не посещаю... А к чему мне это? Я ей так и сказал — я в ученые не лезу. Я хочу быть рядовым работником. (*Он рубанул ладонью воздух.*) А она... слышь, Кедров, как молодежи отвечает: рядовым работником прилавка вам надо быть.

Хлыщ. Ничего. Неплохо.

Подруга. Светка, не плачь! Ты сходи к Иван Ивановичу...

Хлыщ. Свинство будет, если профком не поднажмет на нее.

Перманент. Придирается. Придирается и придирается.

Вошедший (*обращаясь к коренастому*). Давай к фактам обратимся... Ты ж за одну сессию схватил неуд по сопромату и неуд по геокартированию. Хвост по минералогии с прошлого года...

Перманент. Ладно! Нечего свою идейность показывать!

Вошла Антонина Ивановна. Молча села за стол. Лицо ее сурово. Она оглядела всех по очереди.

— О чем вы пришли просить? Пересдать? Отложить? Перенести? Поклянчить тройку вместо двойки? Вам надо как-то объяснить свою лень, развязное отношение к жизни, к труду... или просто неспособность мыслить. Почему другие могут, а вы нет? Почему они могут? Потому что у вас есть только цель, но нет идеалов. Ваша цель как-нибудь, правдами-неправдами ухватить в карман диплом об окончании института. Этого мало. Кибернетические машины прекрасно выполняют цель, но тем и велик и непобедим человек, что в отличие от робота он имеет высокие стремления и высокие идеалы...

Она резко хлопнула ладонью по столу.

— Не усмехайтесь, Бобров! — И, точно сразу устав, добавила: — А вы не плачьте, барышня, вы взрослый человек, с которого можно требовать. — И закончила совсем другим тоном, глубоким и горьким: — Ах, ребята, ребята, ну почему вы не можете этого понять. И зачем вы приходите за подачками? Пожалуйста, дайте мне воды... Вон там графин...

Знакомый невзрачный подъезд. Дом подновили, покрасили, но узнать его все же нетрудно. Знакомая лестница. Антонина Ивановна медленно поднимается... остановилась у дверей квартиры Власовых... Постояла, нажала кнопку звонка. Ей открыла Леля.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Здравствуй! Мама дома?
Девочка молча кивнула головой и указала на дверь.

Снова эта комната... Через столько лет.

Антонина Ивановна оглядывается...

В а л я. Да, здесь все иначе... Я не могла оставить, как было при Феде. Мне все его напоминало... И я все переставила...

В комнате, где когда-то жила Антонина Ивановна, сидит перед открытой книгой Леля и слушает те два голоса за стеной.

В а л я. Конечно, нехорошо упрекать человека, когда его уже нет... Но я не была с ним счастлива. Он не умел сделать женщину счастливой. Это не было ему дано...

Мы не видим лица Антонины Ивановны, оно скрыто глубокой тенью от абажура.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Я не знаю, мог ли он сделать женщину счастливой... Но я никогда не смогу вам простить, что вы сделали несчастной его жизнь.

В а л я. Как вы меня не любите! Ох, как вы меня не любите.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Да, я вас не люблю. А мне и не за что вас любить.

В а л я (*зло прищурилась*). Еще бы вам меня любить... Не вышло отбить. Все простить не можете! Ах, теперь уже все равно! У меня сейчас никого нет, кто бы мне помог. (*Торопливо.*) Не ради меня! Я прошу помощи у вас ради Лели — его дочери!

А н т о н и н а И в а н о в н а. Ну?

Валя внезапно заплакала.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Это вы напрасно. Не стоит так часто и так охотно плакать.

В а л я. Вы из железа.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Возможно. Что же дальше?

Валя взяла себя в руки.

— Человек, с которым сейчас свела меня жизнь... Только не осуждайте меня! Попытайтесь понять. Так вот, этому человеку дан этот величайший дар — уметь любить... Правда, он моложе меня... и... намного. Меня сначала это страшило... и потом Леля уже взрослая девочка...

Мы не видим лица Антонины Ивановны, когда она спрашивает:

— Вы ей сказали об этом?

В а л я. Да, конечно! Я ей сказала, что люблю этого человека.

А н т о н и н а И в а н о в н а. И что же она?

В а л я. Она сказала: тогда выходи за него замуж.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Значит, она разрешила вам?

В а л я. Да! Но... тут другое... собственно из-за этого я хотела сама прийти к вам... И вот счастливый случай... Мой будущий муж работает в Харькове, и мы решили обменять мою двухкомнатную квартиру на большую — в Харькове... Но вот... Леля...

Она замолчала.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Что Леля?

В а л я. С одной стороны, и Павлик... это мой будущий муж... Павлик считает, что нам трудно будет жить втроем... чисто психологически. И главное, что этого не хочет и Леля.

А н т о н и н а И в а н о в н а. И вы не знаете, что с ней делать?

В а л я. Вы остались похожей на себя... прежнюю... Есть в вас какая-то...

А н т о н и н а И в а н о в н а. Да, есть. К какому решению вы пришли?

В а л я (*помолчав*). А если я попрошу вас взять Лелю к себе? (*И торопливо добавляет.*) Она за отца получает пенсию... Она не будет обузой.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Вам надо поговорить с дочерью.

В а л я. Я говорила.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Уже? И что же она сказала?

В а л я. Должна вас прямо предупредить: у Лели трудный характер...

А н т о н и н а И в а н о в н а. Что же она сказала?

В а л я. Она сказала, что ей все равно.

Леля слушает.

Леля стоит у стола и разбирает свой чемоданчик. Сначала вынула пару книг... потом открывает ящик стола... попробовала, закрывается ли он ключом... Теперь вынула общую тетрадь. В верхнем углу обложки надпись: «Тебе!». Открыла. Перевернула страницы... Строчки стихов...

Услышав в соседней комнате шаги, торопливо спрятала тетрадь в стол и, повернув ключ, положила его в карман.

Вошла Антонина Ивановна:

— Ну как, устроилась?

Л е л я. Да, спасибо. Как мне надо вас называть?

А н т о н и н а И в а н о в н а. Я думаю... тетя Тоня.

Л е л я. Мне было бы удобнее называть вас по имени-отчеству.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Пусть так. Зови — Антонина Ивановна.

Леля снова вернулась к своему чемоданчику.

А н т о н и н а И в а н о в н а (*взяла портфель*). Я уйду. Ты поняла, где взять поесть?

Л е л я. Да, спасибо.

Антонина Ивановна еще постояла в дверях. Леля молча занимается книгами.

Антонина Ивановна вышла.

В дверь постучали.

Л е л я. Войдите!

Вошел мальчик ее лет, у него на руках еще мальчик, совсем маленький.

Вошедший белес, веснушчат и улыбчив.

М а л ь ч и к (*протянув руку*). Здравствуй! Сергей! Я здесь в квартире живу.

Леля подала руку.

С е р г е й. Ты, наверно, будешь учиться в нашей школе?

Л е л я. Очевидно. Ты что, руки никогда не моешь?

С е р г е й (*засмеялся и посмотрел на свои руки*). Что ты! Это масло машинное. Мы три раза в неделю работаем на заводе.

Л е л я. А это что за младенец?

С е р г е й. Брат. Славка.

Л е л я. Заставляют нянчить?

С е р г е й. Зачем? Он самостоятельный.

Сергей опустил брата на пол. Тот, ощутив свободу, внезапно разразился, отчаянно коверкая слова, строками неувядаемой «Почты»:

— ... и два почтальона на лавке вагона качаются ночь напролет...

Л е л я. У тебя мать есть?

С е р г е й. А как же!

Л е л я. Хорошая?

С е р г е й. Ого! И отец есть!

Л е л я. Тоже «ого»?

С е р г е й. Тоже.

Л е л я (*вызывающе*). А у меня никого!

С е р г е й. Тетя Тоня сказала, что у тебя мать временно уехала на работу в другой город.

Л е л я. Она врет.

С е р г е й. Ну, ты полегче...

Л е л я. Меня мать бросила!

Сергей посопел, поершил волосы.

С е р г е й. Ну что ж... и пусть... Тетя Тоня получше будет... А ты знаешь, она три боевых ордена имеет, как мой отец... И вообще... что надо человек!

Л е л я. А твой отец кто?

С е р г е й. Токарь.

Л е л я. Хороший?

С е р г е й. Хороший токарь. Шестой разряд.

Л е л я. Нет, отец — хороший?

С е р г е й (*гордо*). Что надо!

Л е л я. У тебя все «что надо»! Дурашливый ты какой-то...

С е р г е й. Славка, домой!!!

Он хватает Славку под мышку и выходит. Славка мирно продолжает читать «Почту».

Школа. В классе идет урок. Внимательные, рассеянные, сосредоточенные лица.

— Вот сидит Сергей...

А вот Леля... Она что-то пишет в знакомой нам общей тетради.

Задумывается.

Снова пишет.

С соседней парты за ней следит крупный чубатый подросток.

Пытается подглядеть... Вытянул шею.

Леля пишет.

Урок идет.

Все шумно выбегают из класса. Комната опустела.

Только чубатый подросток стоит возле Лелиной парты. Улыбается.

Угол школьного двора.

Бегают.

Играют в шахматы.

Смеются чему-то девочки.

Играют мячом.

Ссорятся из-за чего-то.

Сергей раскачивается на кольцах.

И вот появляется чубатый детина с раскрытой тетрадью...

Кривляясь, громко читает стихи.

Даже отданные на посмеяние, они певучи и искренни.

— Что это?..

— Вадим, что ты читаешь?

— Это чьи стихи?

— Покажи!

В а д и м. Про любовь! Ребята! Кто отгадает, кому Власова пишет стихи? Называются — «Тебе!»

Снова читает.

Все насторожились.

— Вадька! Ты где взял?!

— Кто тебе дал, Вадька?!

Под деревом стоит Леля. Она так бледна, что страшно за нее.

Л е л я. Замолчи!!!

Сергей соскочил с колец.

Кто-то крикнул:

— Ты что, стащил?

Вдруг Сергей, подойдя к Вадиму (он ниже Вадима на целую голову), сильно ударил его. Тот отлетел.

Тетрадь упала на землю.

Тогда Сергей подобрал ее и, отдавая Леле, сказал сердито:

— На!

...После уроков никто домой не ушел. Пустует только Лелино место. Все взволнованы происшедшим. Пришел в класс и комсорг Коля Лебедев.

Д е в о ч к а. Я не защищаю Горохова, он сделал некрасиво, шутка глупая... он всегда шалит глупо... А Ермолаев вел себя в этом вопросе просто безобразно... Хулиганский поступок! А школьник не должен делать поступков, которые... которых...

Г о л о с. О которых...

Д е в о ч к а. Не мешайте! И я считаю, что Сергея Ермолаева надо исключить из школы.

Все загудели.

— Значит, Ермолаева исключить. А Горохов просто нашалил?

Д е в о ч к а. Он глупо пошутил, но, может быть, эта шутка пойдет на пользу кое-кому!

— Кому на пользу?!

Д е в о ч к а. Власовой!

Все зашумели. И Коле Лебедеву стоит труда держать порядок.

Д е в о ч к а. Если девочка, вместо того чтобы на уроке слушать, пишет стихи про любовь и посвящает их какому-то незнакомцу, это разве достойно?! Стыдно! Стыдно за Власову!

Шум.

Она продолжает:

— ... Про нее еще известно, что она с Ивановой ходила в ресторан с каким-то мужчиной.

Шум увеличился.

Зоя Иванова с красными пятнами на щеках давно подняла руку. Когда наступает тишина, она встает.

З о я. Я внесу только поправку. Раз все равно все узнали про стихи... (*Она на секунду замаялась.*) Все стихи посвящены Лелиному отцу. Он умер. А про ресторан... Это мы ходили с дядей Витей и его женой. Он нас пригласил в воскресенье обедать. А дядя Витя мальчиком еще воевал вместе с Лелиным отцом. Вот и все.

В комнате стало очень тихо.

Она села.

Г о л о с а. Товарищи!!! Ермолаев разбил Горохову лицо. За что? И правильно ли? Что сделал Горохов? Вот о чем надо говорить. А Верку понесло... Сплетница ты!

К о л я. Можно мне? Ребята, я хочу сказать, что хотя у нас и не собрание еще, а только беседа, все равно надо соблюдать какой-то порядок. Договорились? А я хочу защищать Сергея.

Очень тихо стало в комнате.

К о л я. Горохов безусловно сделал подлость.

Яростный взрыв аплодисментов.

К о л я. Ребята, здесь не театр.

Все снова тихо.

К о л я. Я бы тоже захотел ударить Горохова, только, конечно, я бы не ударил. Удержался. Вот в чем разница, по-моему. Разве мало других мер воздействия на низость, на двоедушие, на сплетню... Нельзя как снежный человек поступать... Сергей, конечно, получит свое... Но на собрании я буду ставить вопрос и о поступке Горохова. Кто еще хочет сказать?

Взметнулось вверх несколько рук.

Поздний вечер.

У телефона Антонина Ивановна:

— ... Ты, прости, Виктор, что я так поздно звоню... Сегодня Леля не вернулась из школы домой... Я уже заявила в милицию... Просто не знаю, что и думать...

Вокзал. Зал ожидания.

Транзитники располагаются на ночлег.

Проходит милицейский патруль.

За грудой чужих вещей притаилась Леля.

В кабинете начальника милиции. Солнечно.

— Из отдела кадров какого завода? Так. На работу взять просила?

Майор улыбнулся:

— Ученический билет на имя Власовой¹ Ольги... Правильно. Ее-то мы и разыскиваем...

Лелю вернули домой.

Она лежит в постели.

Около стоит Антонина Ивановна.

Она осторожно погладила Лелину голову.

Л е л я. Я не люблю, когда меня гладят по голове.

Постояв еще, Антонина Ивановна пошла к дверям...

На пороге остановилась...

А н т о н и н а И в а н о в н а (мягко). Почему ты ушла?

Леля молчит.

А н т о н и н а И в а н о в н а (так же). Ты все-таки понимаешь, что поступила неверно?

Л е л я (не меняя позы). Я не знаю, верно или неверно, только в школу я больше не пойду. Извините, я потушу свет.

Она щелкнула выключателем настольной лампы. И уже в темноте добавила:

— Я не хочу, чтобы в школе вспоминали... шуточки всякие. Лучше работать и быть самостоятельной.

Антонина Ивановна стоит в дверях темной комнаты.

— Тебе же только четырнадцать лет.

Молчание.

Кто-то плачет в соседней комнате... очевидно, в подушку.

Леле трудно представить плачущей Антонину Ивановну, хотя в той комнате, кроме нее, никого нет...

Она прислушивается.

Да, кто-то плачет в подушку, отчаянно и горько.

Леля потихоньку встала и босиком пошла в соседнюю комнату.

На полу лежит квадратик луны...

А на своем диване в темноте, в углу, плачет Антонина Ивановна.

Леля стоит и слушает. И не знает, что делать.

Подошла. Тронула за плечо. Все смолкло.

Антонина Ивановна через секунду спросила обычным голосом:

— Ты что не спишь?!

Эта наивная ложь сжала Лелино сердце.

Антонина Ивановна еще раз спросила:

— Почему ты не спишь?

Леля молчит.

Антонина Ивановна зажгла настольную лампу, и Леля только сейчас заметила, как побелели у нее за эти сутки волосы.

Л е л я. Вы из-за меня?

А н т о н и н а И в а н о в н а. Из-за себя... Не знаю... просто не знаю... не умею я сделать так, чтобы ты мне доверяла. А ведь у меня нет на свете существа дороже тебя...

Леля смотрит в пол.
— Я пойду завтра в школу.
И вышла из комнаты.

По двору бежит Леля. Ей навстречу идет Коля.
— Почему ты не приходишь на спортплощадку? Приходи!
И совсем издали крикнул:
— А в воскресенье у нас поход туристский... Готовь рюкзак...
Она поглядела ему вслед...

Коридор квартиры, где живут Леля и Антонина Ивановна. Из своей комнаты идет Леля.

Из-за угла вынырнул Сергей.

Сергей (*тихо*). Поди сюда!

Леля подошла.

Сергей. А ты все-таки бессовестная. Гнилая романтика — из дому уходить!

Леля. Интересно, это ты чьи слова повторяешь? Уж, конечно, не свои!

Сергей. Свои — не свои, а вот ты заварила кашу!

Леля. Какую?

Сергей. Такую!

Они прошли в ванную. Сели под мокрыми простынями, висящими на веревке.

Сергей. Из-за тебя у тети Тони неприятности по партийной линии, потому что Веркины родители написали на тетю Тоню к ней на работу!

Леля. Что написали?

Сергей. Что полагается... что ты из дому не зря ушла... что у тебя жизнь невыносимая... и те де и те пе! Сейчас там ее разбирают...

Леля внезапно вскочила и выбежала из ванной.

Леля бежит к автобусу, прыгнула в него.

Заседание партийного бюро института.

Говорит один из членов бюро.

— По поручению партийного бюро нашей организации мы говорили с педагогами и с одноклассниками девочки. И никто не сказал худого слова об Антонине Ивановне... И все единодушно утверждали и утверждают, что Антонина Ивановна идеально относилась к Леле, что они — настоящие друзья...

Г о л о с. Откуда это они знают?! Кто это им сказал, интересно!

Один из членов бюро. Это говорила сама Леля!

Антонина Ивановна (*пораженная*). Леля?!

Член бюро. Да!

Леля, ежась от ночного воздуха, присела на ступеньки подъезда.

Вот открылись двери подъезда.

Выходят люди...

Вот и Антонина Ивановна...

Леля бежит.

Антонина Ивановна увидела ее.

Антонина Ивановна. Что с тобой?!

Леля. У вас неприятности из-за меня?

Антонина Ивановна (*улыбнулась ей*). Нет! Никаких неприятностей! Все разъяснилось!

Она легко вздохнула.

Воздух свежий. Прекрасно делается на душе, когда люди добры и справедливы.

Антонина Ивановна. Пойдем! Ты совсем застыла!

Она быстро сняла пальто и накинула Леле на плечи.

Комната Антонины Ивановны. Она, задумчиво улыбаясь каким-то своим мыслям, сидит у стола.

Леля принесла чайник. Налила чай. Подвинула ей чашку.

Ушла в свою комнату.

Антонина Ивановна. А почему ты не пьешь чай, Лель?!

Леля молча входит в комнату и кладет перед ней свою тетрадь стихов.

Леля. Это мои стихи. Я хочу, чтобы вы их прочли. Они посвящены моему отцу.

Антонина Ивановна. Может быть, не надо?

Леля (*твердо*). Нет, надо, читайте!

Антонина Ивановна, взяв тетрадь, открыла наугад... Тихо прочла несколько строк и замолкла.

Леля. Читайте!

Антонина Ивановна. Я не могу.

Леля. Прошу вас, читайте. Тогда я перестану бояться за них. Надо, чтобы кто-то прочел их вслух, громко!

Антонина Ивановна. Я не могу.

Леля. Почему?

Антонина Ивановна. Я очень виновата перед твоим отцом.

Леля. Почему?

Антонина Ивановна. Я не пришла на помощь, когда ему было плохо.

Леля. Почему не пришли?

Отвечать Леле — трудно.

Антонина Ивановна. Из-за мелкого самолюбия... наверное, мелкой гордости... (*Еще труднее сказать главное.*) А может быть, оттого, что моя любовь к твоему отцу была безответной.

Лелино лицо. Она почти со стоном выдохнула воздух. Протянула свои руки через стол к Антонине Ивановне, жадно смотрит ей в лицо.

Леля. Вы любили его, вы его любили... Да?.. Спасибо за то, что вы любили его!

Спортплощадка. Все уже ушли. Только Леля и Коля Лебедев еще задержались здесь. Он сидит наверху, на турнике.

Коля. По-моему, ты очень талантливая и тебе не надо бросать стихи.

Леля, сияя глазами, глядит на него снизу.

Леля. Правда?! Скажи совершенно серьезно: «Даю честное слово, что ты талантливая».

Коля. Пожалуйста. Даю честное слово, что мне лично кажется, что ты талантливая. Но тебе надо показать свои стихи какому-нибудь настоящему, большому поэту.

Леля кивнула.

Леля. А значит, лично тебе они нравятся?

Коля (*очень убежденно*). Мне нравятся... Только ты еще очень какой-то... замкнутый и недоверчивый человек... Тебе с ребятами надо больше бывать... дружить... А то после твоих стихов остается впечатление, что писал их старый человек. Талантливый, но старый.

Леля. Скажи честно? Ты с тетей Тоней говорил об этом?

Коля. Нет.

Леля. Она мне то же самое говорила. (*Покусила задумчиво губу.*) Я же пишу стихи оттого, что накапливается у меня здесь...

Она приложила ладонь к сердцу.

Коля. Я понимаю.

Леля. А как ты думаешь, я могу помолодеть?

Коля захохотал и чуть не свалился с турника. Глядя на него, постепенно начала смеяться и Леля...

Коля. Ну, давай молодежь и пиши стихи!

Он завертелся на турнике.

Леля. Для стенгазеты?

Коля. Пока для стенгазеты хотя бы. Во всяком случае, для (*он нарисовал рукой широкую аудиторию*)... для людей.

Леля (*покорно*). Хорошо, напишу для стенгазеты. (*И вдруг очень по-взрослому.*) И все равно... Вдруг счастья не будет.

Коля. Чего?

Леля. Счастья... Моя... одна знакомая всегда говорила, например, что счастье так и не пришло к ней.

Коля. Кто не пришел?

Леля. Ты что, глухой? Счастье!!!

Коля. Откуда?

Леля уже начинает сердиться.

Леля. Что — откуда?!

Коля. Откуда она его ждала?

Леля замолчала.

Коля (*насмешливо*). Ну что замолчала?

Леля (*вдруг совсем другим тоном*). Просто я подумала, а действительно, что такое счастье и откуда оно приходит?

Она сорвала одуванчик и сдула паутинный шарик. Закружилась на месте и запела, дурачась:

— Сча-а-стье... сча-а-стье!!!

Коля. Хочешь отыгаться в пинг-понг?

Леля. Нет. Надоело. По-моему, счастье — просто жить на свете! Тра-та-та-та!—

пропела она голосом трубы. —... Сидит в тебе твоё счастье где-то внутри... Сидит и ждёт... догадаюсь я, где оно или нет... Приходи к нам.

К о л я. Приду.

Л е л я. А ты кем будешь?

К о л я. Я? *(Он двумя пальцами потер лоб.)* Я ещё не знаю, как назвать эту профессию... Я бы хотел поехать работать в трудовую колонию... К ребятам, которые... которым нужно помочь... Помочь выправиться, понимаешь?

Л е л я. Воспитателем?

К о л я *(мотнув головой)*. И педагогом. И юристом. И... вообще-то сборная профессия.

Л е л я. Профессия называется — человековедение... да?

К о л я. Пожалуй.... Вот именно! Но для этого надо много поработать среди людей... И здорово вжиться в жизнь...

Л е л я. Понимаю!

К о л я *(подал ей руку)*. Прощай!

Л е л я. Я тебе напишу в стенгазету стихи *(она передразнила его жест)*... для... людей! Честное слово, напишу, сегодня же! А тема такая... *(И прокричала ему вслед.)* Человек, несущий в себе... счастье!! Слышишь?!

Коля издали приветственно помахал ей рукой.

Леля вприпрыжку идет по двору, возвращаясь домой.

Подъезд.

Леля открыла дверь.

Перед ней стоит ее мать!

И как же она изменилась за эти два года...

Постаревшая... Ненакрашенная... Она стоит и улыбается жалкой улыбкой.

В а л я. Это я, доченька... *(Она протянула к Леле руки.)* Я приехала за тобой!.. Прости меня...

И плечи ее затряслись от плача.

В комнату вошла Леля.

Бледная, со стиснутыми зубами, повалилась в подушки.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Что с тобой?..

Леля стоит в гневе посреди комнаты:

— ...Я не вернусь к ней! И у нее нет никаких прав на меня! «Доченька»! А до чего она довела моего отца! Она никогда, никогда его не любила!

С внезапной, почти яростной стремительностью Антонина Ивановна вскочила на ноги:

— Прекрати истерику!

Леля замолчала.

Высморкалась. И спокойно сказала:

— Тетя Тоня, я к ней не вернусь. Я останусь с тобой!

Из подъезда института вышла Антонина Ивановна с группой студентов. Смеясь и споря, остановились на тротуаре.

Антонина Ивановна через головы всех видит стоящую неподалеку Лелю. Леля улыбается ей.

Антонина Ивановна кивнула головой и тоже улыбнулась.

Когда поредела толпа, Леля подошла к ней.

Л е л я. Мне хотелось тебя встретить!

Она отобрала у Антонины Ивановны портфель и взяла ее под руку.

Они молча идут, как люди, глубоко, без слов понимающие друг друга.

Л е л я. Устала?

А н т о н и н а И в а н о в н а. Нет. А ты обедала?

Л е л я. Нет, ждала тебя

А н т о н и н а И в а н о в н а. Химию отвечала?

Леля молча показала пальцами пятерку.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Молодец!

Л е л я. Я взяла билеты в консерваторию на второе.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Отпадает. У меня партийное собрание.

Л е л я. Жаль!

Идут.

Л е л я. Я решила уехать с ней.

Идут молча.

Л е л я. Ты понимаешь, мне надо уехать с ней.

Идут.

Л е л я. Почему ты молчишь?

А н т о н и н а И в а н о в н а. У меня заныла душа...

Л е л я. Я не могу иначе. У меня такое чувство, что это вроде долга... что я обязана ей помочь.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Наверное, так.

Л е л я. А тебя я люблю.

А н т о н и н а И в а н о в н а. С годами у меня стало меньше душевных сил и не удается скрыть то, что мне сейчас очень трудно.

Л е л я. Мне надо поставить ее на ноги... И тогда я снова вернусь к тебе.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Хорошо!

Она засмеялась.

Л е л я. А почему ты смеешься?

А н т о н и н а И в а н о в н а. Ты стала мудрая.

Л е л я. Я просто стала сильная. Ты научила меня. Я стала очень сильная.

Антонина Ивановна снова улыбнулась.

Вокзал.

Уезжает Леля с матерью в Харьков.

Провожających много. Ребята из школы...

Сергей здесь... И даже Горохов... И, конечно, Коля... Отец Сергея... Виктор Скворцов... Его Катя... И девочки...

Вот и Антонина Ивановна...

Леля в окошке вагона.

Зоя ухватила за раму:

— Ты пиши... слышишь, Леля... Мы все будем ждать...

Трогается поезд...

Как бледная тень из-за Лелиного плеча выглянула ее мать.

Коля крикнул вслед:

— Помни! Несущий в себе!!!

Леля бросила ему из букета веточку сирени.

Ушел поезд.

В институт Антонина Ивановна пришла прямо с вокзала. Еще в подъезде вахтерша подала ей открытку. Там было написано:

«На днях приеду в Москву в отпуск. Алексей».

Она покачала головой, и, улыбнувшись, сказала:

— Старый седой дурак...

Аудитория. Все на местах. Тихо.

Чей-то голос:

— Только без сентиментов!

Вошла Антонина Ивановна.

Села за стол.

— Садитесь! — сказала она.

Рассеянно взглянула на розу в стакане.

— Что это?!

Подняла глаза... Перед ней...

...Стоят все студенты.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Что это?!

— Антонина Ивановна! — сказал негромко один из студентов. — Это от нас! Вы ведете нас уже три года... Мы, возможно, не всегда понимали вас. Мы часто на вас обижались. Мы уважали вас, но... не любили... И вот, за годом год...

Чей-то голос перебил его:

— Уговорились же! Говорить коротко и определенно!

С т у д е н т. Хорошо! Мы благодарим вас за то, что вы дали нам как педагог, и за то, чему научили как человек!

Тихо запел голос трубы.

Антонина Ивановна поглядела на всех. Она не ожидала этого. Глаза... глаза... глаза... Кругом глаза, смотрящие на нее.

И в тишине ее вопрос прозвучал пылливо и строго:

— Чему же я научила вас как человек?

Она переходит взглядом от одного лица к другому. Все молчат. Но за кадром мы слышим их как бы приглушенные голоса, отвечающие на этот сокровенный для каждого человека вопрос.

Г о л о с т о н е н ь к о й д е в у ш к и. Мужеству.

Труба зазвучала громче.

— Чувству собственного достоинства, — продолжил чей-то голос, — которое не позволяет лгать...

И еще звучат голоса за кадром:

— ...забывать о своем долге...

- ... отступать от своих убеждений...
- Вы научили нас трудиться...
- ... и любить труд...
- ... любить жизнь...
- ...но не приспособливаться к ней...
- ...прямодушию и честности!

Труба поет торжествующе.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Спасибо! Теперь начнем работать.

Она на секунду опять задумалась, потом сказала:

— Так вот, дети мои... (*Полушутливо.*) Поговорим о счастье... Еще совсем недавно считали, что все драгоценности земли, все месторождения полезных ископаемых располагаются в толще земной коры хаотично, без всякого видимого порядка. Найти железо, отыскать свинец, обнаружить нефть — это казалось простой, счастливой случайностью. Повезло! — говорили в таких случаях. И сейчас еще в удачу верят, хотя и знают, что распределение полезных ископаемых подчиняется определенным законам. И оказывается, что счастье совсем не случайность! Все дело в прогнозе. Это новая, высшая форма научной мысли, разгадывающей на основе уже известного еще неведомое. И совсем не удивительно, что это мы впервые в мире поставили такую грандиозную задачу. Нам нужен теперь не просто рост, а рост стремительный! Нам нужен — взлет!

У ограды, там, где обычно ждала ее Леля, стоит Шорин. Увидев Антонину Ивановну, улыбаясь, пошел ей навстречу.

Ш о р и н. Приехал за тобой!

А н т о н и н а И в а н о в н а. Нет. Мне нельзя ехать, Леша! Жизнь моя... так наполнилась... (*Изменив тон.*) Мне нужно ждать, друг мой дорогой!